

*Говорят, надо взглянуть
своему страху в лицо.
ВОТ И Я...*

ПРОРОК

ИТАН КРОСС

Итан Кросс

Пророк

Серия «Neoclassic: Триллер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68403340

Пророк:

ISBN 978-5-17-132601-2

Аннотация

Серийные убийцы сами не останавливаются, и терроризирующий Чикаго маньяк по прозвищу Анархист не является исключением.

Где он пропал? Почему вернулся?

Зачем снова и снова похищает молодых женщин и с беспощадной жестокостью сжигает своих жертв?

И, главное, как его остановить?

На помощь растерянной местной полиции отправляется Маркус Уильямс – оперативник тайной правительственной организации «Пастух», чья задача – выслеживать и убивать особо опасных преступников, чтобы не дать им шанса выскользнуть сквозь бреши судебной системы.

А по пятам за Маркусом следует его тень – психопат и гений Фрэнсис Акерман, творящий собственное беспощадное правосудие и тоже ведущий охоту на Анархиста...

Содержание

От автора	6
1	8
2	19
День первый. 15 декабря, вечер	37
3	37
4	43
День второй. 16 декабря, утро	46
5	46
6	55
День второй. 16 декабря, полдень	58
7	58
8	63
День второй. 16 декабря, вечер	69
9	69
10	71
День третий. 17 декабря, утро	74
11	74
День третий. 17 декабря, вечер	78
12	78
13	82
14	87
15	89
16	91

17	98
День четвертый. 18 декабря, утро	102
18	102
19	107
20	110
21	119
22	123
23	125
24	132
25	138
26	141
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Итан Кросс

Пророк

*Моей замечательной жене Джине, с которой
мы прошли десять миль сквозь снежный буран
в Чикаго...*

Ethan Cross

THE PROPHET

© Aaron Brown, 2012

Школа перевода В. Баканова, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

От автора

В первую очередь хочу поблагодарить мою супругу Джину и моих дочерей Мэдисон и Калиссу за любовь и поддержку. Отдельная благодарность Джине, которой пришлось вытерпеть не только все безумства моей исследовательской работы, но и меня самого.

Также не могу не сказать спасибо родителям Лерою и Эмили, водившим меня еще ребенком на бесчисленные фильмы, привившим мне любовь к историям. Благодарю отдельно мою маму Эмили, которая всегда читала мои еще не опубликованные произведения, и тещу Карен, которая лучше всех помогала моим книгам продаваться.

Проводя исследование для создания данной книги, я прошел своеобразную стажировку в правоохранительных органах. Без неоценимой помощи сотрудников полиции роман никогда не был бы закончен. Хотелось бы особо выделить шерифа округа Монтгомери Джима Вацци и всех его подчиненных, службу шерифа округа Дюпейдж и заместителя шерифа Эндрю Барниша, Управление полиции Маттесона и, в частности, Аарона Добровица, а также офицера полиции в отставке, действующего писателя Майкла А. Блэка.

Огромное спасибо Джону и Гейл Ханафин за поддержку, которую они оказали мне в благотворительном фонде Ассоциации по борьбе с онкологическими заболеваниями окру-

га Монтгомери. В знак высшей благодарности имя одной из героинь книги – Элеонор Адар Шоуфилд – составлено из начальных букв имен их матерей и внуков (Адам, Даниель, Ашли, Ребекка).

К сожалению, некоторая часть подготовительной работы по той или иной причине часто не входит в книгу. Я высоко ценю усилия Торнтон Куорри и Дейва Уэнслоскиса, предоставивших замечательный материал к одному из оставшихся за страницами романа эпизодов. Уверен, что смогу использовать его в одной из следующих книг.

И, как обычно, проект не состоялся бы без помощи моего наставника, издателя и друга Лу Ароники, а также моих прекрасных агентов Дэнни Баррора и Хедер Баррор-Шапиро. Также огромное спасибо моему другу с той стороны океана, английскому издателю Тиму Вандерпампу за его титанический труд (он занимался моей книгой, несмотря на то, что в этот период у него родился сын Оскар). Также следует сказать, что я не достиг бы успеха без дружеских отношений с другими писателями, состоящими в Международной ассоциации авторов триллеров, без их советов.

Благодарю всех перечисленных мною людей, а также моих потрясающих читателей. Без вас мои мечты так и остались бы мечтами.

1

Фрэнсис Акерман-младший окинул взглядом бульвар Маркатура из окна белого бунгало, украшенного медно-красной отделкой. На другой стороне дороги торчал зеленый знак с желтой надписью: «Детская площадка Моссвуда. Департамент парков и зон отдыха Окленда». На лужайке бегали и веселились ребятишки; их родители раскачивали качели, сидели на скамейках – кто с книжкой, кто с сотовым телефоном. Детство Акермана прошло совсем иначе. Игры, которыми занимал его отец, оставили незаживающие шрамы на теле и в душе. Маленький Фрэнсис не знал ни ласки, ни любви и в конце концов смирился с таким существованием. Его жизнь наполняли боль и хаос, и в этом был смысл, была цель.

Солнце бросало блики на смеющиеся лица, а Акерман представлял, как все изменится, если светило вдруг выгорит дотла и исчезнет с небосклона. Очистительный холод вечной зимы пройдет по миру и отмоеет его, уничтожив скверну. Акерману виделись навечно застывшие мучительные гримасы, хрустальные шары глаз, отражавшие потусторонние миры, слышались затихающие крики. Какая красота! Он глубоко вздохнул и задумался: приходят ли подобные мысли в голову обычным людям, способны ли они постигнуть очарование смерти?

Акерман обернулся к троице, привязанной к стульям в

глубине комнаты. Двое – полицейские в штатском, направленные для наблюдения за домом. Старший из них, с редкими русыми волосами, носил тонкие, по линейке подбритые усы. Его молодой напарник был обладателем сальной шевелюры цвета воронова крыла и черных кустистых бровей, а также крючковатого носа, что нависал над тонкими розовыми губами и скошенным подбородком. Первый полицейский – очевидно, честный и усердный служака, не хуже и не лучше любого другого. А вот в молодом, напоминавшем хорька копе Акерману что-то не нравилось – возможно, выражение, затаившееся в глазах. Он подавил внезапный порыв врезать этому парню, стереть с его лица злобную мину.

Сделав над собой усилие, Акерман ограничился улыбкой. Чтобы извлечь информацию, необходимо было устроить небольшое показательное выступление, и Хорек идеально подходил для этой цели. Акерман несколько секунд смотрел в глаза молодому копу, потом подмигнул ему и обернулся к последнему пленнику. Точнее, пленнице.

Розмари Филлипс, женщина с волосами цвета соли с перцем, была одета в выцветшую толстовку с эмблемой «Окленд рейдерс». На ее гладких темно-шоколадных щеках кое-где виднелись старые оспины. Она производила впечатление сильного, уверенного в себе человека. Таких людей Акерман уважал, но, к сожалению, сейчас ему требовался ее внук. Акерман найдет его, даже если придется убить всех троих.

Он вытащил кляп изо рта женщины. Розмари молчала.

– Привет. Простите, что не представился должным образом раньше, когда связывал вас. Меня зовут Фрэнсис Акерман-младший. Когда-нибудь слышали обо мне?

Розмари ответила на его взгляд.

– Видела по телевизору. Вы – серийный убийца. Над вами экспериментировал ваш отец, пытался вырастить монстра. Насколько я понимаю, у него получилось. Но я вас не боюсь.

– Прекрасно, – улыбнулся Акерман. – Стало быть, официальную часть опустим и перейдем непосредственно к делу. Знаете, почему я попросил этих двух джентльменов присоединиться к нам?

Розмари повернула голову к полицейским и посмотрела на Хорька. В ее глазах Акерман заметил отвращение. По всей видимости, Розмари он тоже не понравился. Что ж, тем интереснее будет, когда Акерман начнет пытаться молодого копа.

– Замечала я этих двоих тут неподалеку, – сказала женщина. – Я уже говорила в полиции, что мой внук не идиот. Он здесь ни за что не покажется, а я о нем ничего не слышала с тех пор, как началась эта заваруха. Только они меня не слушают. Видать, считают, что удобнее следить за домом пожилого человека, вместо того чтобы патрулировать улицы, за что мы им платим. Вот вам работа нашего правительства.

– Понимаю, что вы имеете в виду, – снова улыбнулся Акерман. – Никогда особо не уважал власти. Но, видите ли, я тоже разыскиваю вашего внука. И у меня-то как раз нет ни времени, ни терпения ждать, не заглянет ли он на ого-

нек. Предпочитаю прямые пути, поэтому и прошу вас быть со мной откровенной. Где я могу найти вашего внука?

– Говорила им, повторю и вам: понятия не имею.

Акерман подошел к высокой горке красного дерева, стоявшей у стены. Старинная, добротнo сделанная вещь. На полках и на столешнице теснились семейные фотографии. Акерман взял снимок улыбающегося чернокожего парня, обнимающего Розмари; оба позировали на фоне праздничного золотисто-голубого торта.

– Розмари, я подготовился к нашей встрече и знаю, что внук в вас души не чает. Вы были тем спасательным кругом, что удерживал его на плаву в любой шторм. Наверное, вы – лучшее, что есть в его жизни. Единственный человек, который его любит, наверняка знает, где он прячется. Вы поделитесь со мной этой информацией – так или иначе.

– Да вам-то что за дело до моего внука? Какое вы имеете к нему отношение?

– Никакого, и он для меня ровным счетом ничего не значит. Но есть один человек, до которого мне дело есть, и этот человек его ищет, а я хочу помочь, если это в моих силах. Согласен с вами в том, что наши чиновники-бюрократы действуют чертовски медленно, однако сейчас мы можем ускорить их работу.

– Не знаю, где он, – покачала головой Розмари, – а если бы и знала, такому чудовищу, как вы, не рассказала бы.

В голове Акермана эхом прозвучали слова отца: *Ты*

монстр... Убей ее, и боль пройдет... Тебя никто никогда не полюбит...

– Уважаемая Розмари, вы ведь понимаете, что словом можно больно ранить? Впрочем, вы правы: я действительно чудовище.

Он поднял с пола спортивную сумку, кинул на журнальный столик, расстегнул молнию и, порывшись внутри, спросил:

– Слышали об испанской инквизиции? Я в последнее время много о ней читал. Интереснейший период! Главной функцией инквизиции был трибунал. Основали этот институт католические монархи – Фердинанд Второй Арагонский и Изабелла Первая Кастильская. Они планировали таким образом утвердить в своих королевствах католическую веру, особенно среди новообращенных иудеев и мусульман. Но меня завораживают не события минувших времен, а варварские, отвратительные пытки, которым во имя Господа подвергались люди, считавшиеся еретиками. Мы с вами думаем, что живем в жестокий век, однако наши воспоминания относятся к совсем недавнему прошлому. Любой прилежный студент-историк скажет, что наша эра – настоящая эпоха просвещения по сравнению с любым другим отрезком истории. Методы, которые применяли инквизиторы, чтобы выбить признание у жертвы, просто невообразимы. Надо отдать им должное, сказочная фантазия.

Акерман вытащил из сумки странное устройство.

– Древняя вещица. Ее прежний владелец настаивал, что это точная копия инструмента, использовавшегося во времена инквизиции. Разве можно не любить eBay?

Он поднял повыше диковинный предмет, составленный из двух больших шипастых кусков дерева, которые соединялись дюймовыми металлическими винтами, и дал пленникам возможность его рассмотреть.

– Это приспособление, названное «дробитель колена», использовали не только по прямому назначению. Когда инквизитор крутил винты, половинки устройства сближались, и шипы входили в плоть жертвы. Инквизитор закручивал винты все туже и туже, пока жертва не давала желаемый ответ. пытку прекращали и в том случае, если конечность допрашиваемого уже не воспринимала боль.

Розмари плюнула в лицо Акерману и заговорила с акцентом, характерным для жителей Джорджии. Ее слова звучали резко и уверенно: наверняка на этом диалекте женщина говорила в юности, и он проявлялся, когда Розмари была особенно взволнована.

– Вы все равно нас убьете, что бы я ни сказала. Я не сумею спастись сама и не спасу этих мужчин. Встретить собственную смерть – вот и все, что сейчас в моей власти. Я не стану унижаться перед вами и вам подобными. Не собираюсь молить о пощаде. Не дождетесь!

– Уважаю ваши принципы, – кивнул Акерман. – Вы не представляете, сколько я встречал людей, которые винят об-

щество, да и весь мир, за то, что с ними что-то не так. Все мы в какой-то степени жертвы обстоятельств. Мы привыкли думать, что распоряжаемся собственной судьбой, однако наша жизнь подчиняется силам, над которыми мы не властны, которых не понимаем. Вот в чем состоит правда жизни. Нас дергает за ниточки невидимый кукловод, и от этого никуда не денешься. Знаете, где у нас реальные рычаги управления? – Он дотронулся кончиком лезвия пятнадцатидюймового ножа до своего виска. – В голове. Я пришел не затем, чтобы вас убить. Удовольствия мне это не доставит. Однако меня тоже дергают за ниточки, как и любого из нас. Сегодня обстоятельства вынуждают меня причинить вам вред – только так я достигну цели. Я очень хорош в своем деле, уважаемая Розмари. Вся моя жизнь – постижение боли и мучений. Времени у меня не много, и я поделюсь с вами лишь толикой своего опыта, но, уверен, и этого будет достаточно. Вы мне все расскажете. Не сможете не рассказать. В вашей власти лишь повлиять на продолжительность собственных страданий. Итак, спрашиваю еще раз: где ваш внук?

Губы Розмари дрогнули, однако женщина промолчала.

Комната была пропитана ароматом корицы, и все же он не мог заглушить запаха пота и первобытного ужаса, которого Акерману так недоставало в последнее время. Он соскучился по страху, по осознанию своего могущества. Тем не менее возбуждение пока следовало сдерживать. Нельзя терять контроль над ситуацией.

– Начнем, пожалуй? Придется немного закрутить гайки – так ведь говорят? Вы удивитесь, но как раз на этом устройстве их и закручивают.

Акерман несколько минут забавлялся новой игрушкой, затем глянул на Розмари, подкрутил рукоятки, и полицейский забился от боли.

– Хватит! Я все скажу! – крикнула Розмари. – Он в Спокане, штат Вашингтон. Они прячутся в какой-то заброшенной слесарной мастерской. Нашли жулика-риелтора, тот и пустил их. Я уговаривала внука сдаться полиции, даже думала сама обратиться в участок, но живыми они с друзьями не дадутся. Внук – это все, что осталось от моей семьи...

По щекам женщины побежали слезы.

Акерман нагнулся над машинкой, ослабил зажимы, сдавившие ноги полисмена, и голова пленника тут же бессильно откинулась на спинку стула.

– Благодарю, Розмари. Я вам верю и даже сочувствую. Ваш внук – плохой парень, однако это ваша плоть и кровь, и вы, несмотря ни на что, его любите.

Он подошел к столу, выдвинул стул, сел прямо перед Розмари и вытащил маленький блокнот в кроваво-красной обложке.

– Я отношусь к вам с уважением, ценю вашу откровен-

ность. Только поэтому дам вам шанс спастись. – Акерман открыл блокнот, вытащил из него ручку и начал писать. – Хочу, чтобы вы сами определили исход нашей маленькой игры. На первом листе я пишу «Хорек». Это наш первый полицейский. – Он вырвал страничку, скомкал ее и положил между ног на сиденье стула. – На втором листе напишем «Джеки Глисон». Это будет второй коп. Дальше – «Розмари». И еще два листка: на одном я пишу «никто не умрет», на другом – «все умрут».¹

Акерман перемешал смятые бумажки и сложил на полу у ног Розмари.

– Надеюсь, смысл игры ясен? Тем не менее поясню: вы тянете жребий, а я убиваю того, чье имя вы выбрали. И все же у каждого из вас есть двадцать шансов из ста остаться в живых. Предупреждаю: если вы откажетесь играть или будете долго тянуть, я с удовольствием убью всех. Прошу не сопротивляться судьбе. От вас сейчас зависит одно: какой жребий вы вытянете. Не питайте ложных надежд – других вариантов нет. Если поступите неправильно, это лишь усугубит ситуацию. Выбирайте.

Розмари устремила на Акермана взгляд, полный ненависти, и тот вспомнил доктора Кендрика из психиатрической лечебницы Седар-Милл. Врач однажды сказал, что у Акермана повреждена группа взаимосвязанных структур мозго-

¹ Джеки Глисон (1916–1987) – американский комедийный актер и музыкант. – *Здесь и далее примеч. пер.*

вого вещества – паралимбическая система, отвечающая за эмоциональную сферу, процесс целеполагания и мотивации, а также самоконтроль. Доктор изучил его мозг методами магнитного резонанса и обнаружил, ко всему прочему, дисфункцию миндалевидной железы, которая вырабатывает гормоны, вызывающие чувство страха. Дикае обезьяны с повреждением этой области безбоязненно приближаются как к человеку, так и к хищным зверям. Кендрик объяснил, что именно поэтому Акерман не ощущает страха, свойственного нормальному человеку.

Очевидно, у Розмари то же самое заболевание. Или она черпает силы из неведомого Акерману источника.

Розмари опустила взгляд на скомканные листочки и вновь уставилась на Акермана.

– Третий. Тот, что лежит в середине.

Акерман нагнулся, развернул записку и улыбнулся.

– Вам сегодня везет! Все остаются жить. Прошу прощения за то, что вам пришлось перенести такое испытание, однако в этом повинен не я. Как уже говорилось, все мы жертвы обстоятельств.

Он встал, собрал вещи и вышел на бульвар Макартура.

Акерман швырнул сумку в багажник голубого «форд-фокуса». Он не возражал бы против более стильного автомо-

биля, однако «форд» ничем не выделялся среди тысяч подобных ему машин, и соображения безопасности перевесили желание блеснуть. Акерман сел в машину и положил на соседнее сиденье драгоценности, бумажники и кошельки своих недавних пленников. Он терпеть не мог опускаться до банального грабежа, но за все приходилось платить, а вор из него был не лучший, да и времени на то, чтобы промышлять грабежами регулярно, не хватало.

Акерман вытащил из бардачка одноразовый мобильник и набрал номер, поглядывая на клочок бумаги, который выбрала Розмари: *Все умрут.*

Прозвучало несколько гудков, и на том конце сняли трубку.

– Чего тебе надо?

– Здравствуй, Маркус! – Акерман улыбнулся. – Прошу прощения, ибо вновь согрешил. Но я делаю это не для себя – для тебя.

2

Маркус Уильямс рассматривал тело жестоко убитой женщины. Судя по синякам и следам от веревки, перед смертью ее изнасиловали.

Небольшая ремонтная мастерская была пристроена к задней части цеха и находилась в полном упадке. Пластик покоробился из-за дождей, крыша кое-где зияла дырами, сквозь которые просвечивало безоблачное ночное небо. В проломы в стенах залетали снежинки, и все помещение замело тонким снежным налетом. Большая секция стеллажей у задней стены сорвалась с креплений, и на полу было разбросано ее содержимое: ржавые патрубки, проволока, полусгнившие картонные коробки и инструкции к старому оборудованию.

Тело лежало посреди комнаты, словно ненужный хлам, от которого планируют избавиться как-нибудь потом. Маркус оценил его цвет и степень окоченения и решил, что женщина убита несколько часов назад. Убийца воспользовался небольшим тупым орудием – вероятно, молотком.

Ах, появиться бы здесь чуть раньше...

Маркус подавил гнев и невольное чувство вины – пока это лишнее. Он вышел на улицу и подпер дверь булыжником. Когда они прибыли на место, на двери висел замок, и пришлось применить универсальный «хулиган» – инструмент, напоминающий лом. Маркус хотел сделать банде сюрприз,

поэтому дверь не должна была хлопнуть на ветру.

Он пересек парковку и перепрыгнул через цепь ограды. Рядом находилось несколько современных заводов, а эта фабрика обанкротилась и теперь пустовала. Бандиты из «Грабителей банков» заплатили риелтору черным налом, и тот впустил их в помещение полуразрушенной фабрики. Маркусу не потребовалось прилагать особых усилий, чтобы заставить сотрудничать одного из работников риелторской компании. Парень раскололся, как только Маркус рассказал ему о сроках заключения за посредничество и соучастие.

Маркус шел по следу «Грабителей» уже несколько месяцев, однако после очередного налета те легли на дно. Два дня назад они нанесли новый удар, захватив жену и двух дочерей владельца ювелирного магазина. «Грабители банков», как их стали называть с легкой руки журналистов, разработали жестокую схему обогащения: банда похищала семью человека, имеющего доступ к деньгам или иным ценным активам. Жертву вынуждали отдать выкуп, угрожая уничтожить всю семью. Метод был несложным, но «Грабителей» отличала крайняя безжалостность. Шантажируемый почти всегда соглашался с их требованиями, и все же его семью спасти не удавалось. Операции банды заканчивались смертью главы семейства после передачи выкупа. С женами и дочерьми «Грабители» успевали позабавиться, прежде чем убить.

Полиция знала, что преступная группа состоит из четырех человек, однако все четверо были достаточно умны и прак-

тически не оставляли следов. Единственной ценной информацией стал отпечаток пальца на одном из мест преступления. Имя подозреваемого всплыло в справочной системе, однако о нем ничего не слышали с момента организации банды. Копы из Окленда допросили его бабушку, и, хотя та не промолвила ни слова о внуке, были уверены, что она что-то скрывает. За ее домом наблюдали; больше полиция ничего сделать не могла.

Маркус планировал посетить ее, однако Акерман его опередил.

Маркус рывком распахнул дверцу черного «юкона», сел за руль, подышал на руки и включил подогрев сидений. Через несколько секунд открылась пассажирская дверца, и в машину сел Эндрю Гаррисон, сорвал с головы вязаную шапочку и разгладил короткие светлые волосы. В отличие от заросшего трехдневной черной щетиной Маркуса он был чисто выбрит и выглядел вполне пристойно.

– Что у тебя? – спросил Маркус.

– Похоже, нашел помещение, где они держат дочерей жертвы. Видел одного из членов банды: дрыхнет на диване в главном здании. Если не ошибаюсь, они занесли внутрь складной стол и еще кое-что из мебели – оборудовали себе там нору. Окна со стороны основного входа заперты. Оттуда входить не решился – можно наделать шума. Ты что-нибудь нашел?

– Обнаружил мать.

Эндрю ждал пояснений, но молчание Маркуса говорило само за себя. Эндрю глянул в ветровое стекло и чертыхнулся:

– Проклятье! Что предлагаешь?

– Обойдем сзади. Действуем как обычно: я впереди, ты прикроешь. Пройдем через основное здание. – Маркус вздохнул. – Надо доложить.

Он вытащил из кармана телефон и набрал номер. Директор «Пастуха» снял трубку после первого же гудка.

– Нашли их?

– Да. Мать убита. Мы готовы войти.

– Действуйте. Я собирал совет – вам дали все полномочия для завершения операции. Будьте осторожны. Бог в помощь!

Директор отключился.

Маркус бросил телефон и уставился на покрытую снегом землю. В организацию «Пастух» он вступил больше года назад и до сих пор сомневался в правильности своего решения. Ее курировало министерство юстиции, а работала она под прикрытием вывески «Агентство стратегического анализа». Их служба занималась наиболее жестокими преступниками, в основном серийными убийцами. Основная миссия «Пастуха» решительно отличала его работу от деятельности подразделения поведенческого анализа ФБР. Перед «пастухами» не ставили задачу просто найти преступника и предъявить обвинение. Их предназначение заключалось в зачистке улиц города от преступных элементов и не предусматривало никаких ограничений. Для выполнения своих функций

«пастухи» часто обходили и даже прямо нарушали закон. Изначально организация создавалась как оперативная группа, не попадающая под законодательное регулирование, что позволяло игнорировать любые запреты и делать свою работу, не заботясь об оставленных уликах и правовых процедурах. В этом смысле группа напоминала ЦРУ и армию, годами проводящих операции по уничтожению враждебных Америке элементов за рубежом. Разница состояла лишь в том, что «Пастух» работал на территории США и в сферу его интересов входили исключительно американские граждане.

Организация состояла из маленьких ячеек, и Маркус руководил одной из них. Назначение он заслужил благодаря особым способностям, которые проявил еще в Управлении полиции Нью-Йорка, где занимал должность детектива убийного отдела. В свое время Маркус выследил состоятельного сенатора, имевшего склонность к домогательству к девочкам, которых впоследствии убивал. Вместо того чтобы спустить дело на тормозах, Маркус послал пулю преступнику в голову. Избежать уголовного преследования ему удалось лишь потому, что ни у кого не возникло желания рассказать обществу о темных делах сенатора.

В «Пастухе» на Маркуса было возложено оперативное руководство ячейкой, однако свои действия он согласовывал с человеком, которого знал исключительно как Директора. Общее руководство оставалось за советом, в который входили безымянные люди. Убедиться в их реальном существова-

нии не представлялось возможным.

– Что-то не так? – спросил Эндрю.

– Тебе приходилось видеть хоть кого-то из нашего высшего руководства, кроме Директора и министра юстиции? Может, знаком с кем-нибудь из совета?

– Что это ты вдруг?

– Не совсем «вдруг». Не могу отделаться от одной мысли. Ты никогда не думал, как нам удастся уходить от последствий за то, чем мы занимаемся? Кто дергает нас за ниточки?

– Почему не думал? – пожал плечами Эндрю. – Просто я верю в наше дело и считаю, что мир становится чище, пока мы несем службу на улицах. На этом и стараюсь сосредоточиться. Анализирую то, что в состоянии контролировать.

– Правильно ли то, что мы делаем?

– Мы спасаем жизни, защищаем людей от монстров, о которых среднестатистический американец даже не подозревает. Что здесь может быть неправильного?

– Еще Ганди говорил: «Я против насилия, потому что, когда кажется, что зло делает добро, это добро ненадолго. А зло остается навечно».

Эндрю горько усмехнулся.

– Что, по-твоему, ощутил бы Ганди, найди он здесь труп любимого человека? Большинство заявит, что мы не меньшее зло, чем убийцы, за которыми охотимся. «Вы нарушаете права этих людей» – вот в чем нас обвинят. Только среднестатистическому обывателю никогда не приходилось преда-

вать земле тело своего ребенка, загубленного таким человеком, как тот, что сейчас прячется в этом здании. Никто из них не представляет, что это за чувство! Пока не окажешься в такой вот ситуации, никогда не поймешь смысла нашей работы. Уж не думаешь ли ты, что Ганди доводилось встречать чудовище, подобное Акерману?

Эндрю отвернулся и откинулся на сиденье.

Маркус потянулся и потер виски. Мигрень не желала отступать, и за последнюю неделю ему удалось поспать максимум часов пятнадцать. Ситуация с Акерманом улучшению сна не способствовала. Операцию по задержанию этого убийцы использовали при вербовке Маркуса: ему решили показать типичного преступника, на которого охотятся «пастухи». Правда, показательный урок тогда провалился. Убийца бежал, да еще и проникся уверенностью, что их с Маркусом судьбы связаны воедино. Акерман зациклился на Маркусе: постоянно звонил, предлагал непрошеную помощь при расследованиях. Хуже всего было то, что ни один из членов команды понятия не имел, как Акерман узнавал об их очередном деле и откуда добыл номер телефона Маркуса. Любые попытки выследить и найти преступника заканчивались провалом.

– Не сто́ит ли нам поблагодарить Акермана? – предложил Эндрю. – Он все-таки навел нас на «Грабителей банков». И если мы сейчас спасем девочек – не исключено, что это будет и его заслуга.

Рука Маркуса взметнулась и сграбастала Эндрю за грудки. Он рывком притянул напарника к себе.

– Этот подонок пытал двух полицейских и старуху, чтобы вытянуть из них информацию! Акерман снова начнет убивать, только дай ему время. Может, уже начал! Но ведь цель оправдывает средства, не так ли, Эндрю?

Маркус оттолкнул коллегу обратно на сиденье и перевел взгляд на заброшенную фабрику. В салоне автомобиля воцарилась тишина.

– Мы возьмем его, Маркус.

– Ладно, забудь.

Эндрю немного помолчал, затем добавил:

– Если все пойдет не так, как планируем, и появятся копы, переговоры веду я, запомни.

– Ты это к чему? – Маркус наклонил голову и уставился на напарника.

– Просто хочу сказать, что общение не твой конек.

– Ты имеешь в виду, что я не умею разговаривать с людьми?

– Ну, если мягко выразиться, ты самая настоящая задница, Маркус.

– Спасибо, дружище. Повезло мне с напарником.

– Просто говорю о том, что и так бросается в глаза.

Маркус уже не слушал коллегу, мысленно готовясь к предстоящей операции. Вокруг здания стояли уличные фонари, освещавшие почти весь фасад. Здание из белого кирпича с

металлической крышей явно нуждалось в покраске и как две капли воды походило на любое другое в этом промышленном районе, хотя и пустовало уже несколько лет.

– Бронежилет не забыл?

– А как же! Я его даже на ночь не снимаю, – откликнулся Эндрю.

Маркус глубоко вздохнул, покрутил головой, разминая затекшую шею, и открыл дверцу.

– Пошли, у нас есть чем заняться.

Маркус вошел первым, взяв на изготовку девятимиллиметровый «ЗИГ-зауэр». Эндрю шел следом, сжимая в правой руке «глок». Его левая рука касалась спины Маркуса, обеспечивая оперативный контакт. Они крались по коридорам в тесной связке, словно альпинисты, соединенные страховочным тросом. Тактическое построение давало напарникам возможность перекрывать все возможные направления атаки. Помещения фабрики были просторными, с несколькими входами; в подобных условиях необходимо смотреть не только вперед, но и за спину. В их боевом порядке крылся и существенный недостаток: Маркус и Эндрю достали бы любого нападавшего, однако удачливый и хорошо вооруженный стрелок мог покончить с ними не менее легко.

Напарники предварительно разжились в риелторской кон-

торе планом фабрики, и Эндрю видел через окно, что какую-то из девочек – Полу или Кристи – отвели в большой кабинет слева по коридору в задней части складских помещений. Одной из заложниц было шестнадцать лет, второй – двенадцать.

Маркус кивком указал на комнату справа. Они встали по обе стороны дверного проема. Эндрю наблюдал за коридором, а Маркус повернул ручку и тихо толкнул дверь. Применяв технику, известную в их кругах как «метание торта», он расположился так, что противник, заметив его из глубины помещения, не получил бы никакого преимущества по времени.

В комнате было пусто.

Они повторили тот же прием у соседней комнаты. Там оказалась пустая ванная.

Маркус поднял два пальца, указав на помещение слева, и нажал на ручку. Кабинет был заперт. Маркус молча кивнул, и Эндрю приготовился высадить замок. Маркус терпеть не мог поднимать лишний шум, однако в первую очередь им следовало вытащить девочек. Процедуру входа они отработали давно: Эндрю вышибал дверь, а Маркус врвался в помещение.

Напарники переглянулись, и Эндрю нанес удар по ручке двери. Пластина замка сорвалась с косяка, и дверь распахнулась. Маркус бросился внутрь.

Ему хватило доли секунды, чтобы оценить обстановку. На

полу лежал пожелтевший, покрытый пятнами матрац; в комнате пахло потом и мочой. Девочка сидела на грязном тюфяке, ее руки и ноги перехватывала липкая лента. Рот также был заклеен. Намокшие от пота светлые волосы пленницы слиплись, глаза покраснели от слез, на щеке наливался багровый синяк. Справа от нее сидел чернокожий мужчина в выцветшей черной толстовке с эмблемой «Рейдерс», покачиваясь в старом замызганном кресле-качалке. На коленях у бандита лежало магазинное ружье «итака».

Чернокожий вылупился на Маркуса и протянул руку к оружию, однако Маркус тут же нажал на спусковой крючок. «ЗИГ-зауэр» дернулся в его руке, и мужчина замер в кресле. Маркус на всякий случай всадил ему в грудь еще пару пуль.

Эндрю метнулся к девочке, быстро разрезал путы, и та отшатнулась, словно раненое животное, не понимающее, что ему готовы помочь. Она глянула в одну сторону, в другую, пытаясь сбежать из страшного места. В ее красивых голубых глазах застыло совершенно дикое выражение. Потом девочка – старшая, Пола – наконец осознала, что происходит, и разрыдалась.

– Уводи ее! Я пошел искать вторую. Встретимся у машины.

– Нельзя идти одному против всей банды!

– Присмотри за ней, Эндрю. Мы же не можем оставить девочку здесь. Я знаю, что делаю.

Маркус сорвал с себя кожаную куртку, швырнул напарни-

ку, и Эндрю, накинув ее на дрожащие плечи девочки, молча поднял Полу с матраса и направился к черному ходу.

Тревога за состояние спасенной девочки и за ее сестру, которую прятали где-то в здании фабрики, толкала Маркуса вперед. Вспоминались обезумевшие глаза Полы. Физически она поправится, но события последних двух дней останутся в ее памяти навсегда. Внешне девочка будет выглядеть совершенно нормальным человеком, но никогда не сможет избавиться от внутреннего страха. Тело вылечить можно; нельзя вернуть утраченную частичку души – это Маркус знал точно.

Он добрался до основных помещений склада. Сюда доносились громкие звуки рэпа, вырывавшиеся из портативных динамиков. В тридцати футах над головой возвышался потолок – металл и некрашенные перекрытия, вокруг стояли высокие стеллажи, заставленные контейнерами для запчастей. Где-то между высокими полками жужжал переносной обогреватель. В воздухе витали запахи прогоркшего машинного масла и ржавчины. В конце зала, там, где заканчивались стеллажи, Маркус заметил пыльные верстаки и оборудование – тиски и шлифовальные станки. На столах все еще лежали инструменты для обработки металла. Видимо, оборудование планировали продать вместе со зданием. Наконец, Маркус увидел крепкого мужчину в теплой красной куртке, сидящего за ломберным столиком. Тот в одиночестве раскладывал пасьянс, расставив толстые ноги. Темные волосы мужчины торчали в разные стороны, на столе рядом с карта-

ми лежала тубитейка.

Маркус тихо подбирался к нему сзади, когда по помещению эхом прокатился отчаянный детский крик. Девочка кричала то ли от боли, то ли от испуга, то ли от того и другого сразу. Человек в красном ухмыльнулся и бросил десятку трэф на бубнового валета.

Маркус поднял пистолет, ствол которого оказался в двух дюймах от затылка крепыша, прицелился в основание черепа, где находится продолговатый мозг, и нажал на спусковой крючок. Когда пуля проходит сквозь глушитель, хлопок выстрела далеко не так беззвучен, как принято считать. Довольно сложно полностью заглушить выстрел из любого оружия мощнее двадцать второго калибра. И все же Маркус предпочитал не использовать в работе пистолеты слабее девяти миллиметров и отдавал предпочтение сорок пятому калибру за его способность моментально остановить любого агрессора. Сегодняшняя операция требовала максимальной тишины, и Маркус выбрал «ЗИГ-зауэр» с дозвуковым боекомплектом. На ствол был навинчен глушитель «СВР-трай-дент», хотя, по сути, погоды это все равно не делало.

Крепыш упал лицом на карточный стол. Ножки подкосились под весом грузного тела, стол завалился набок, и здоровяк скатился на бетонный пол.

– Джефф! У тебя все в порядке?

Маркус чертыхнулся сквозь зубы и бросился под прикрытие полок с противоположной стороны открытой площадки.

Он пригнулся, чтобы его не увидел человек, шедший вдоль соседнего ряда стеллажей. Раздался топот. Маркус целился в только что застреленного крепыша, рассчитывая, что сообщник в первую очередь подойдет именно к нему, однако противник оказался хитрее.

Время тянулось, и рука с пистолетом затекла. Противник знал, что Маркус здесь, и ждал, когда он допустит ошибку. За стеллажами раздалось ворчание, о бетонный пол брякнул металл, и Маркус интуитивно почувствовал опасность.

По ушам ударил металлический скрежет, и Маркус, упав на пол, перекатился на открытое пространство. Реакция не подвела – стеллаж, за которым он прятался, обрушился на соседние полки.

Взгляд Маркуса заметался по залу и упал на чернокожего мужчину в джинсах и серой толстовке с капюшоном – тот стоял в самом конце ряда стеллажей. Человек поднял автомат «хеклер-кох» и дал длинную очередь. Маркус перебежал к другому концу стеллажей, проскочив мимо мертвого бандита в красной куртке. Пули били по бетону и высекали искры, круша детали, сложенные на полках.

Маркус добрался до двери, ведущей в подсобные помещения, и заскочил внутрь. Пули застучали по дверной раме. Впереди оказался коридор, и Маркус инстинктивно рванулся к кабинету, в котором они обнаружили Полу. Его преследовали – в коридоре загрохотали шаги.

Ввалившись в комнату, Маркус схватил с коленей убито-

го бандита «итаку» и дернул затвор. Оружие было заряжено. Он вцепился в грязный матрац и поволок его ко входу. Маркус поставил матрац, толкнул его в дверной проем и, не дожидаясь, пока тот упрется в косяк, бросился на пол слева от входа.

Очередь изрешетила дверь, ударив по матрацу. За дверью клацнул об пол пустой магазин, и бандит тут же вставил новый. Еще одна очередь продырявила стены, выбивая пыль из штукатурки, и ее мельчайшие частицы запорошили нос и глаза.

Маркус ждал.

Какое-то время снаружи было тихо, затем человек в камуфляже сдвинул преграду и переступил порог, но не успел сделать и шага, как Маркус открыл огонь. Грудь врага словно взорвалась фонтанами алой крови, и его тело вылетело в коридор, приземлившись на пол.

Маркус бросил «итаку» и с «ЗИГ-зауэром» на изготовку вышел из комнаты. Глаза бандита уже подернулись пеленой смерти. Маркус перешагнул через труп и двинулся в основные помещения склада. Ему еще предстояло найти Кристи.

Он тихо прошел по залу, оставив в стороне мертвого крепыша у сломанного карточного столика, опрокинутые стеллажи и разбросанные в беспорядке ржавые детали. Наверх, к кабинету управляющего фабрикой, вела лесенка. К кабинету с разных сторон примыкали оборудованные рабочие места. В каждой стене было по окну, и менеджер мог наблюдать за

процессом, не выходя из будки.

Тай Филлипс готов устроить ему встречу – на этот счет Маркус никаких иллюзий не питал. Внук Розмари был умен и кровожаден, так что не приходилось сомневаться, кто именно являлся главарем банды. Тай наверняка засел в комнатушке менеджера, прихватив с собой одну из девочек.

Маркус поднялся по ступенькам и прислушался. Внутри громыхал рэп и жужжал обогреватель. На какой-то миг Маркусом овладело дурное предчувствие: он догадывался, что именно обнаружит в кабинетике, и задумался, как следует поступить.

Остановившись слева от двери, Маркус поднял пистолет и толкнул застекленную дверь. У бледно-желтой задней стены находился пустой стол, над которым висело несколько полок. В комнате стоял затхлый запах.

Филлипс замер у стола, обхватив одной рукой шею Кристи и прижав к ее виску «Глок-19». Голова Филлипса возвышалась на пару футов над макушкой пленницы. Рубашки на нем не было. Девочка тихо плакала. Внук Розмари оказался стройным парнем с тюремными татуировками, переходившими с плеч на грудь. Раздеть Кристи он еще не успел, однако блузку уже разорвал. У девочки кровоточила разбитая губа.

Филлипс усмехнулся и еще крепче прижал к себе Кристи. – Глупый коп! Тебе нужно было привести с собой штурмовую группу, если уж ты пришел по мою душу. Бросай пуш-

ку, или мозги девчонки разлетятся по комнате, да и твои тоже!

Маркус и не думал опускать оружие.

– Я не коп, а «пастух». Наша цель – не дать волкам вроде тебя мучить таких девочек.

– Пастух, говоришь? – расхохотался Филлипс. – Да ты самый тупой...

«ЗИГ-зауэр» подпрыгнул в руке Маркуса, и голова преступника откинулась назад. Филлипс рухнул. Кристи дернулась при звуке выстрела, однако осталась на месте, замерев с отсутствующим взглядом. Девочку трясло.

Маркус отшвырнул ногой пистолет Филлипса. Точно над левым глазом бандита образовалась аккуратная маленькая дырка, под головой растекалась лужа крови. На затылке эксперты наверняка обнаружат огромное выходное отверстие с рваными краями. Глаза Филлипса были пусты, жизнь из них уже ушла.

Маркус обнял девочку. Та попыталась было вырваться, но он прижал ее к себе и Кристи наконец прильнула к его груди, вцепившись в рубашку. Маркус положил руку ей на голову и пробормотал:

– Ты в безопасности. Мы отвезем тебя домой.

Он говорил и понимал, что, по сути, возвращаться девочке некуда. Родители погибли, о прежней жизни можно забыть. Нет больше той девочки, которой она была до сегодняшнего дня, изменится и ее будущее.

Маркус перевел взгляд на труп Филлипса. Наверное, подонки заслуживали смерти за содеянное, однако ему ли решать, каким должно быть наказание? Он взглянул в глаза своего отражения в окне офиса и задумался: кем он стал, кем ему суждено стать? Маркус сам выбрал свою жизнь и винил только себя. Что отличало его от бандитов из «Грабителей банков»? Разве он чем-то лучше их, лучше Акермана?

День первый. 15 декабря, вечер

3

Сандра Латрелл очнулась от страшного сна, ощутив легкий укол в руку. Она чувствовала себя как-то странно, точно с похмелья. Болела голова. Сандра попыталась протереть глаза, но не смогла поднять руку.

Она сделала над собой усилие, просыпаясь окончательно, и удивленно моргнула, рассматривая незнакомую обстановку. Тесное помещение, серые металлические стены... На железобетонном полу в лужице рассеянного света стоял кемпинговый фонарь. Помещение было прямоугольным, и Сандра наконец поняла, что находится в контейнере для хранения вещей. В подобном металлическом ящике она хранила кое-какую мебель после переезда из Небраски в Чикаго. Сандра получила здесь новую работу – с повышением, а вот жилье оказалось хуже прежнего. С ходу найти подходящий дом не удалось, и она сдала некоторые вещи на хранение в фирму недалеко от Джексонс-Гроув, где они и лежали полгода, пока Сандра не въехала в приличный дом. В этом доме она вчера и уснула.

Сандра попыталась поднять голову, но обнаружила, что не может пошевелиться. Ей стало холодно. Она скосила глаза и

поняла, что лежит в пижаме. Открыв рот, чтобы позвать на помощь, Сандра увидела мужчину, появившегося из темноты в дальнем конце контейнера. Его лицо скрывалось в тени, но Сандра разглядела, что незнакомец одет в черное.

В холодном сыром контейнере зазвучал голос – тихий и, пожалуй, неуверенный, словно мужчина искал у нее одобрения.

– Я только что ввел вам небольшую дозу адреналина, чтобы нейтрализовать действие наркотика, который ввел раньше. Кроме того, адреналин позволяет быстрее прийти в себя.

Наркотик? Сандра медленно осознала смысл слов человека в черном. Ее мысли все еще путались, никак не желая цепляться друг за друга. И вдруг пришло понимание – ее похитили. Этот человек вошел в дом, пока она спала, и перевез ее сюда. Что же теперь будет? Что он задумал?

Сандра едва не взмолилась о пощаде, однако не сумела выговорить ни слова. Язык не ворочался.

Незнакомец вступил в круг света. На носу у него сидели очки в металлической оправе. Тонкое бледное лицо, короткие русые волосы, аккуратно расчесанные на пробор. Похититель на первый взгляд выглядел книжным червем, однако под облегающей черной рубашкой Сандра разглядела развитые мышцы. Иногда встречаются люди без возраста, вот и человеку в черном можно было дать и двадцать, и почти сорок. Он мог бы сойти и за подростка, если бы не темная щетина, покрывавшая щеки и подбородок. Столкнись с таким

ночью на улице – и не почувствуешь, что от него может исходить опасность.

Мирная внешность незнакомца внушила Сандре некоторую уверенность, и она все-таки выдавила:

– Пожалуйста... отпустите меня, и я забуду о том, что случилось. Вы пока не причинили мне вреда и вряд ли хотите встать на путь, с которого невозможно свернуть.

Незнакомец отвел взгляд и ответил:

– Прошу прощения. Сам не рад происходящему.

Он запустил руку в маленькую кожаную сумку, стоявшую у фонаря, и вытащил оттуда два устройства, напоминающие зажимы. Сандре предметы показались смутно знакомыми.

– Что вы делаете? Пожалуйста, не надо...

Она взвизгнула, когда похититель с удивительной силой схватил ее за подбородок и раздвинул ей веки большим и указательным пальцами. Сандра пыталась моргнуть, вырваться, однако сковывающая ее веревка не давала двигаться. Мужчина вставил ей в глаз приспособление, и она вспомнила, где уже видела подобный инструмент: во время последнего визита к окулисту. Тот, фиксируя веки, пользовался похожим зажимом.

Сандра извивалась в веревках, звала на помощь; по щекам покатались слезы, глаза застил туман, но моргнуть она не могла при всем желании.

Похититель снова полез в сумку и вытащил что-то блестящее.

– Нет! Не надо! Я сделаю все, что скажете!

– Кричать бесполезно – вас никто не услышит. Понимаю, что вы все же попытаетесь, однако не сто́ит. Дыхание понадобится вам для более важной цели.

Он потянулся к ноге Сандры, сверкнув скальпелем, и ее крик многократно отразился от металлических стен. Внутреннюю сторону бедра пронзила жуткая боль. Похититель склонился к ее лицу, заглянул в глаза.

– Я только что рассек бедренную артерию – один из основных кровеносных сосудов. Если не перевязать рану, вы вскоре умрете.

– О нет, нет! Я... – Тело Сандры выгнулось от напряжения.

– Я остановлю кровотечение и отпущу вас, как только получу честный ответ на один вопрос.

– Все, что угодно! Только отпустите!

– Прекрасно, Сандра. Скажите, в чем источник вашего счастья?

– Что? Я не понимаю...

– У нас не так много времени. Через несколько минут вы скончаетесь от потери крови. Вы – счастливый человек. Расскажите, в чем ключ к счастью?

У Сандры закружилась голова. Нога пульсировала, кровь толчками вытекала с каждым ударом сердца. Комната закружилась перед глазами, и Сандру затошнило. Она тщетно искала ответ.

– Я... я не знаю. Наверное, пытаюсь больше вспоминать хорошие события, стараюсь видеть в людях только положительные качества.

– Какой хороший, простой ответ, – улыбнулся похититель. – Благодарю вас, Сандра. Возможно, и у меня так получится, если я заберу вашу душу.

– Что вы говорите? Вы же обещали освободить меня! – Ее нога пульсировала и болела все сильнее. – Пожалуйста, перевяжите меня!

– Вынужден еще раз извиниться, но я солгал. Даже в больнице вам сейчас мало чем помогли бы.

Похититель снова полез в сумку, извлек маленькую чашку и наполнил ее кровью, вытекающей из бедренной артерии. Сандра в ужасе наблюдала, как он поднес чашечку к губам и опрокинул в горло. Она была не в силах поверить в происходящее. Ей доводилось видеть подобные сцены в кино или в документальных фильмах, посвященных преступлениям, однако она и предположить не могла, что будет участвовать в подобном кошмаре. Неужели конец? У нее столько планов, впереди вся жизнь...

Зрение помутилось и начало меркнуть, и Сандра попыталась бороться с подступающей темнотой.

Похититель подвинул еще один стул, уселся напротив, и на Сандру полилась холодная жидкость. В ноздри ударил сильный незнакомый запах.

Похититель по-прежнему внимательно наблюдал за ней,

и Сандра не могла уклониться от его взгляда. Только сейчас она обратила внимание на красивые зеленые глаза незнакомца. А потом он зажег спичку, и пламя поглотило ее тело.

Харрисон Шоуфилд дождался, пока девушка не перестанет дышать, и только тогда заговорил, одновременно рисуя непонятные символы на железных стенках контейнера. Шоуфилд старался четко следовать инструкциям Пророка. Закончив, он запер контейнер и выбрался с территории хранилища. За спиной осталась светло-серая сторожка, где лежал труп ночного охранника. Шоуфилд прошел вниз по улице к синей «тойоте-камри». Район был тихий. Рядом находился склад лесоматериалов, чуть дальше – панельное здание торговой компании, яркие красно-зеленые стены которого напомнили Шоуфилду спелый арбуз. В дальнем конце улицы стояло несколько дешевых таунхаусов. В хранилище имелась система видеонаблюдения, которую легко удалось обесточить. Никаких резервных генераторов, самая обычная цифровая запись на встроенный жесткий диск.

Шоуфилд миновал ряд чугунных уличных фонарей, взиравших на него свысока, точно бдительные часовые, открыл дверцу машины и устроился за рулем. Пророк сидел на месте пассажира.

– Ну, что чувствуешь? – заговорил Пророк.

Медленная тягучая речь, свойственная южанам, завораживала. Слова текли, точно патока. Шоуфилд понимал, что от него хотят услышать, однако кривить душой ему не при-

шлось.

– Я стал сильнее. Моя власть растет.

– Хорошо. Просто отлично! Ритуал исполнил, как я учил?

– Я знаю, что делаю, – отрезал Шоуфилд.

Его слова прозвучали агрессивно.

Рука Пророка взметнулась в воздух и отвесила ему пощечину.

– Помни, кто ты есть, мальчик! Когда возвысишься, займешь место справа от Отца нашего, будешь управлять миром. Пока же Отец вещает через меня, не забывай. Проявляй уважение!

Шоуфилд снова почувствовал себя маленьким мальчиком, вспомнив, как Пророк охаживал его колючей плетью. Он снова ощутил, как с исхлестанной спины слезает кожа, склонил голову и пробормотал невнятные извинения.

Пророк положил руку ему на плечо, и его голос смягчился.

– Еще немного, и наступит Непроглядная ночь. Твой дух должен быть готов к восхождению. Так ты выполнил ритуал?

– Соблюдал твои указания до последней буквы.

– Молодец. Жертву на следующую ночь выбрал?

Шоуфилд кивнул, и его сердце забилось быстрее.

– Я все спланировал.

Пророк удовлетворенно вздохнул и включил радио. Из динамика полилась музыка: Мик Джаггер исполнял

Sympathy for the Devil.²

Шоуфилд завел двигатель и отъехал от обочины. В пути он размышлял, как будет чувствовать себя завтра, когда придется взглянуть в глаза детям.

² Поклоняюсь дьяволу (*англ.*).

День второй. 16 декабря, утро

5

Элк-Гроув-Виллидж, находящийся в двадцати милях к северо-западу от центра Чикаго, славился благоприятными условиями для бизнеса. В этом районе сосредоточилось большинство бизнес-парков Северной Америки, местные школы считались лучшими в Иллинойсе, и власти прилагали все усилия, чтобы сделать город живописным и безопасным.

Да, мирные окрестности ни в коем случае не вызывали у обывателя ассоциаций с районом, где процветает торговля людьми, вот только первое впечатление часто бывает обманчивым. Опыт специального агента ФБР Виктории Васкес подсказывал, что любой город, как, впрочем, и любой человек, таит в себе несколько внутренних слоев, которые не разглядеть невооруженным глазом.

Трой Ла-Палья, ее напарник, вывел на экран картинку из мотеля «Старбрайт». Здесь можно было снять номер с почасовой оплатой, получив в свое распоряжение кровать и зеркало на потолке.

Васкес покрутилась в кресле, устраиваясь удобнее, откинулась на спинку и вытянула ноги. Они сидели в фургоне ви-

деонаблюдения. По борту машины большими белыми буквами бежала надпись: «МАСКОНИ. Сантехника и отопительные системы». В салоне было тесно, и ноги затекали. Маленькие стульчики с твердым, как доска, сиденьем комфорта также не добавляли. Васкес подумала, что к следующему разу стоит купить подушечку под задницу – такие обычно берут с собой старушки на баскетбольные матчи, занимая места на жестких скамейках стадиона.

В машине пахло прогоркшим кофе и жирной едой навынос, и Васкес начало подташнивать. *Выйти бы, закурить...* За последние две недели она не сделала ни единой затяжки и не могла сейчас позволить нервам взять верх. Васкес закинула в рот новую подушечку жевательной резинки и работала челюстями.

Должно быть, Ла-Палья понял, что ее беспокоит.

– Шестое чувство подсказывает, что нам не придется здесь долго сидеть. Они появятся с минуты на минуту.

– Хорошо бы, – отозвалась Васкес. – Мне надо отлить.

– Васкес, ты нежный цветок: всегда так деликатна и сдержанна, – шутливо покачал головой Ла-Палья.

– Меня воспитывал отец-одиночка, детектив уголовной полиции, поэтому у меня довольно специфический словарный запас.

Ла-Палья наклонился к монитору, и в его свете лицо детектива стало на миг мертвенно-белым. Васкес всегда считала фамилию напарника забавным недоразумением, поскольку

ку Ла-Палья был коротко стриженным блондином с молочным цветом лица, и абсолютно ничего в его внешности не напоминало об итальянских корнях. Она же унаследовала от своих родителей бронзовый оттенок кожи и черные волосы. Папа был бразильцем, мама – американкой, и португальская фамилия подходила Васкес как нельзя больше.

В неприметном бежевом седане сидели двое полицейских из отдела нравов шерифа Кук-Каунти. Ребята ждали знака, чтобы выпрыгнуть из машины и помочь при задержании подозреваемых.

Мотель находился под наблюдением уже несколько дней. Сейчас все ждали, когда к мотелю подъедет автомобиль, за рулем которого сидит Оскар Вильгельм. Оскар привезет с собой пассажира – огромного ямайца, которого знали под кличкой Мистер Чейнс. Васкес уже давно заметила, что ребята типа Чейнса, как ни странно, склонны к драматическим сценам. Чейнс заправлял торговлей живым товаром и бизнесом по оказанию сексуальных услуг. Проститутками в основном оказывались девушки в возрасте от двенадцати до двадцати пяти, нелегально въехавшие в США из Гватемалы. Их брали из беднейших районов, гарантировали легализацию в Америке и хорошую работу. Приехав, девушки попадали в сексуальное рабство и каждый день обслуживали от пяти до двадцати пяти клиентов.

Торговцы живым товаром наняли Вильгельма как шофера и охранника Чейнса, однако Вильгельм понятия не имел,

что его ждет на этой работе. В итоге он начал сливать информацию группе, известной как СЛРР – Союз за ликвидацию рабства и работорговли. СЛРР немедленно связался с чикагским подразделением по противодействию работорговле, после чего на сцену вышли Васкес и Ла-Палья. Они убедили Вильгельма надеть на себя микрофон. Детективы планировали добыть улики против Чейнса и заодно освободить его гарем.

– Вот и они, – пробормотал Ла-Палья.

Васкес видела на мониторе, как Вильгельм припарковал машину и открыл дверь Чейнсу. Мужчины вместе поднялись по ступенькам мотеля и направились в крыло, которое Чейнс снял для развлечения клиентов и размещения девочек. Интересно, сколько ямаец заплатил менеджерам мотеля за их души... Блок с комнатами для проституток охранял огромный бритоголовый парень. Вильгельм рассказывал, что этот блок Чейнс называл загоном, в котором держал пять – десять проституток, запертых в одной комнате.

Из динамика донесся еле слышный шепот бритоголового. Микрофон под рубашкой Вильгельма работал, однако Васкес пришлось наклониться к монитору, чтобы разобрать слова охранника: «Одна из девочек сегодня пыталась сбежать. Двадцати футов не прошла, но кавардак устроила!.. Хорошо, рядом никого не было, а то нас бы точно спалили».

Чейнс выдал длинную тираду – похоже, сыпал проклятиями на незнакомом Васкес языке, – распахнул дверь ком-

наты и вошел внутрь. Вильгельм следовал за ним. Ямаец издал еще несколько гневных выкриков на непонятном языке, а потом добавил по-испански:

– Даже не собираюсь выяснять, кто пытался сбежать, это неважно! Одна из вас меня предает – значит, вы все меня предаете, и все за это получите! Будь у меня девушки на замену, я бы всех тут порешил и трупы выкинул на свалку. К сожалению, замены нет, а бизнес надо продолжать. Сейчас увидите, что произойдет, если кто-то еще раз надумает подставить нашу дружную семью!

Васкес сидела на краешке стула, мысленно переводя выступление Чейнса на английский. Одна из девушек вдруг дико завизжала, и Вильгельм попросил, видимо, рассчитывая, что в фургоне его услышат:

– Чейнс, только не хватайся за нож, ладно?

Для Васкес этой реплики было достаточно. Она бросилась к задней дверце фургона, распахнула ее и спрыгнула на мостовую, еще до прыжка выхватив из кобуры «ЗИГ-зауэр» сорок пятого калибра. Ноги онемели от долгого сидения в тесном салоне, и Васкес споткнулась.

– Васкес, подожди!

Она проигнорировала напарника и, выпрямившись, побежала к парковке «Старбрайта». Перескакивая сразу через две ступеньки, Васкес взлетела наверх. Бритоголовый не успел даже рот разинуть, как уже получил рукояткой пистолета в левый висок. Васкес добила его коленом в пах и про-

бежала мимо поверженного громилы. Сзади ей что-то кричал напарник, укладывая охранника лицом в пол.

Она замерла слева от двери «загона» и оглянулась. Ла-Палья надевал наручники на лысого охранника, а заместители шерифа уже неслись вверх по лестнице. Васкес не собиралась медлить. Любая секунда могла стоить жизни девушке из Гватемалы, приехавшей сюда за лучшей долей.

Васкес с разворота ударила ногой в дверь, и та раскололась. Чейнс стоял у задней стены.

– Стоять! ФБР! – выкрикнула Васкес.

Чейнс прижимал к себе маленькую девушку, прикрываясь от направленного на него пистолета. Он схватил проститутку за талию, отчего ноги девушки теперь болтались в двух футах от пола. В правой руке сутенер держал девятимиллиметровый «глок». В углу комнаты кучкой стояли еще несколько девушек и Вильгельм. Из обстановки Васкес заметила лишь несколько одеял на полу. В номере не было ни кроватей, ни телевизора, ни стола. Отсутствовали даже обычные дешевые репродукции на стенах. О матрацах для девушек никто не позаботился. В воздухе витал до боли знакомый запах страха и насилия.

– Подойдешь ближе, и она труп! – предупредил Чейнс, отступая к ванной.

Васкес опустила ствол пистолета. Хотелось спустить курок, но рисковать было нельзя. Огромный ямаец держал девушку на весу, прикрывая свою голову, а выстрел в любую

другую часть тела сутенера мог означать смерть заложницы. Чейнс продолжал пятиться к открытой двери в санузел. Ситуация быстро изменилась – теперь полиция уже имела дело с захватом заложника, а именно ее изначально и планировалось избежать. Васкес и Ла-Палья намеревались взять Чейнса при выходе из мотеля. У Васкес внутри все перевернулось. Любое стремительное действие с ее стороны сейчас могло помочь, однако с тем же успехом могло все испортить.

– Убирайтесь отсюда! У меня есть требования, но говорить буду только с тем, кто уполномочен вести переговоры! Пусть придет переговорщик! – крикнул Чейнс.

Васкес беспомощно наблюдала, как ямаец захлопнул дверь.

– Черт, черт!

Рядом возник Ла-Палья. Заместители шерифа тем временем выводили из номера девушек и Вильгельма. Ла-Палья пробормотал:

– Похоже, наш план накрылся...

Васкес с отвращением мотнула головой, собираясь ответить, когда ее посетила неожиданная мысль. Она все продолжала смотреть на дверь, за которой скрылся ямаец, а перед глазами встало большое окно в ванной, прямо за левым плечом Чейнса. Сутенер вовсе не загнал себя в безвыходное положение с заложником на руках. Он лишь старался выиграть достаточно времени, чтобы выскользнуть из мотеля и бежать.

– Он уйдет через окно! – на ходу бросила Васкес и кинулась к лестнице.

Сбежав по ступенькам, она осмотрелась. Розоватые двери номеров, кремовые стены. С того места, где стояла Васкес, вдоль по коридору располагалось пятнадцать комнат, дальше – административное помещение. Она могла выскочить наружу и обогнуть здание, но времени не оставалось – Чейнса уже и след бы простыл. Васкес резко развернулась и заметила коридорчик, в котором находились номера, выходящие окнами во внутренний двор мотеля.

Она миновала лестницу и понеслась по коридору. Слева, в стенных нишах, стояли аппарат для льда, видимо, произведенный еще в пятидесятые годы, и автомат с шоколадными батончиками, чипсами и пепси. Дальше забрезжил дневной свет. Впереди был задний двор с пустым бассейном, на дне которого, в лужицах зеленой воды, плавали жухлые коричневые листья. Васкес пробежалась взглядом по задним окнам в поисках ванной комнаты, в которой заперся Чейнс.

Сутенера она увидела почти сразу: тот уже выбрался из окна и торопливо двигался по ветхой красновато-коричневой крыше пристройки, направляясь к переулку. Васкес он пока не заметил.

Она обогнула пустой бассейн, пробежала вдоль стены и свернула за угол как раз вовремя: Чейнс спрыгнул с крыши на голубой мусорный бак. Пластиковая крышка прогнулась под его весом, и ямаец соскочил с контейнера на брусчатку.

Васкес оказалась прямо у него за спиной.

Она подняла «ЗИГ-зауэр», целясь сутенеру в спину, и крикнула:

– Набегался, Чейнс? Все кончено!

Здоровяк медленно повернулся, дико сверкая глазами. В правой руке он сжимал «глок». Ноздри Чейнса раздувались, словно у быка, готового броситься на противника.

– Бросай пушку! – Васкес говорила спокойно, но твердо.

Чейнс насмешливо фыркнул. Его правая рука с пистолетом пошла вверх, и Васкес тут же нажала на спусковой крючок.

Пуля сорок пятого калибра ударила Чейнса в плечо, и тот согнулся, вскрикнув от боли. Васкес подскочила к нему, вышибла из руки оружие и навалилась на извивающегося преступника. Чейнс бормотал что-то на незнакомом наречии – насколько поняла Васкес, проклинал ее и всю ее семью до седьмого колена.

Сзади раздались шаги Ла-Пальи. Васкес перевела взгляд на поверженного противника и на миг пожалела, что не всадила ему пулю в лоб.

– Рождество встретишь в тюрьме, Чейнс. А уж я постараюсь: всем расскажу, что ты падок на маленьких девочек. Так что не беспокойся – любовь тебе будет обеспечена даже в заключении.

Васкес захлопнула дверцу скорой, увозившей Чейнса в больницу, и оглянулась. Вокруг стояло множество полицейских машин. Копы брали показания у очевидцев и осматривали территорию в поисках улик. Площадку перед мотелем огородили желтой лентой. Подъехали машины службы иммиграции и натурализации, чтобы взять на попечение девушек из «загона», и заглушили двигатели, ожидая дальнейших указаний. Васкес не представляла себе, какое будущее ожидает вчерашних сексуальных рабынь, завербованных Чейнсом. И все же, какая бы участь их ни ждала, она будет лучше того ада, что был уготован им в «Старбрайте».

Ее размышления прервал знакомый голос:

– Похоже, где ты – там и неприятности, Вики.

Лишь два человека называли ее Вики. Васкес обернулась. За спиной стоял детектив-сержант Тревор Белакур, опершись о капот красного «шевроле-импалы». Белакур, крепкий немолодой человек, криво улыбнулся, скрестив руки на груди. Он носил густые усы под длинным носом, хотя на голове уже просвечивала лысина. Сегодня детектив надел штаны цвета хаки и белую рубашку, а сверху накиннул легкую, подбитую шерстью коричневую спортивную куртку. Белакур был напарником покойного отца Васкес в течение последних трех лет его службы. После смерти напарника Белакура на-

значили начальником уголовной полиции Джексонс-Гроув.

Васкес прекрасно понимала, что означало присутствие Белакура на месте преступления, однако решила, что не стоит сразу поднимать эту тему. Она подошла к старому другу и прижалась к его плечу.

– Как жизнь, Тревор?

– Все отлично, Вики, – слегка гнусавым баритоном ответил Белакур. – Каждый день проверяю почтовый ящик – все жду, когда пригласишь на свадьбу.

– Мне бы сперва жениха найти. А что ты? Так и проведешь холостяком свою вторую молодость?

– Если женюсь сейчас – этот брак точно подпортит мою репутацию в доме престарелых, девочка. Ведь там мне только и останется, что отбиваться от вдовушек.

Васкес кивнула, думая, о чем бы еще спросить Тревора.

– Не стесняйся, говори, что у тебя на душе, малышка, – помог ей Белакур.

– Анархист вернулся, Тревор. Он снова убивает.

– Да, вчера ночью нашли первый труп. Он прикончил охранника, а потом устроил свое дебильное шоу в одном из пустующих контейнеров в хранилище. Его почерк. Я уже общался с вашим уполномоченным по расследованию преступлений на сексуальной почве, просил, чтобы тебя назначили консультантом по этому делу. Ты не понаслышке знаешь, как действует этот парень, да и опыт составления психологических портретов имеешь. Так что они пошли навстречу.

Васкес вспомнила, как умер ее отец, и напряглась. Дело Анархиста стало последним преступлением, над раскрытием которого работал Васкес-старший, и она досконально изучила собранные материалы. Если Васкес хочет почтить память отца, то должна поставить точку в этом деле. Пока в расследовании никакого прогресса не намечалось. Убийца затаился, и уже полтора года о нем ничего не было слышно.

Васкес кивнула. Она намеревалась поймать Анархиста, чего бы это ни стоило.

– Чего мы ждем, Тревор? Пошли, посмотримся на месте.

День второй. 16 декабря, полдень

7

В прошлой жизни Эмили Морган сотрудничала с полицией в качестве клинического психолога – помогала в расследовании дел, связанных с психологическими травмами подозреваемых. Она вышла замуж за Джима, полицейского патрульной службы штата Колорадо, и они купили красивый двухэтажный коттедж в коричнево-зеленой гамме. Дом в колониальном стиле на юго-востоке Колорадо был окружен лесным массивом. В браке родилась дочка. А потом в их жизнь вошел Фрэнсис Акерман, и все перевернулось.

С тех пор Акерман почти постоянно занимал ее мысли, и именно в это время Эмили встретила Маркуса Уильямса. Маркус представил ее человеку, которого называл Директором. Эмили показала свои способности при расследовании дела серийного убийцы, и Директор предложил ей должность в организации «Пастух». Эмили стала консультантом полевых агентов.

Новая служба дала ей возможность начать все заново, попытаться забыть Джима и их едва начавшуюся семейную жизнь, и Эмили, взяв маленькую дочку, переехала в небольшой городок в Северной Вирджинии.

Прошел почти год, однако Эмили так и не удалось добиться заметного результата в работе с ее главным пациентом – Маркусом Уильямсом. Маркус был человеком добрым и в то же время склонным к мучительному самокопанию; вечно пытался взвалить на свои плечи все мыслимые и немыслимые заботы человечества. На службе Уильямс проявлял себя с самой активной стороны, однако в личной жизни был крайне нерешителен. Эмили за него серьезно тревожилась, и Директор разделял ее беспокойство.

– Попробуем еще сеанс гипноза? Не исключено, что вы вспомните события той ночи.

– И что дальше? – поинтересовался сидевший на кожаном диване Маркус.

Приемная, выдержанная в умиротворяющих тонах, находилась в задних комнатах дома Эмили. Цвета обстановки были нейтральными, пастельными; на стенах висели позитивные рисунки – журчащий по камням ручей, смеющиеся дети, лес, закат. Эмили тщательно изучала психологию цвета и характера репродукций, постоянно экспериментировала, меняла местами картины. Результаты экспериментов ошеломляли. Искусство не являлось точной наукой, однако Эмили отчаянно пыталась создать в своем кабинете подобие убежища, где пациенты чувствовали бы себя в полной безопасности, и люди на приеме действительно успокаивались, расслаблялись. Все, кроме Маркуса. Эмили часто задавала себе вопрос: может быть, Маркусу станет комфортнее, если

она покрасит стены кабинета в черный цвет, а вместо картинок с ручьями повесит фотографии с мест преступления?

– По-моему, прогресс налицо, Маркус. На первом сеансе вы вообще ничего не могли вспомнить – только тьму и страх.

– И что мне удалось вспомнить с тех пор? Голос в темноте? Вы же говорите, что я его просто вообразил. Крики родителей? Ничего мы с вами не добились. Пустая трата времени, вашего и моего.

Эмили сняла очки и, положив их вместе с блокнотом на журнальный столик, наклонилась, упершись локтями в колени.

– Категорически не согласна. Вы никогда не говорили мне, почему вам так важно вспомнить ту ночь. Надеетесь найти убийцу? Вспомнить какие-то подробности, которые выведут вас на его след?

Глаза Маркуса блеснули, однако Эмили не сумела понять, какие эмоции вызвал в нем вопрос. На долю секунды ей показалось, что Маркус готов открыться, но он вытащил из кармана телефон и вывел на экран часы.

– Боюсь, наш сеанс подошел к концу, док. Мне бы не хотелось, чтобы налогоплательщики переплачивали за мое лечение.

Эмили откинулась на спинку кресла и вздохнула.

– Я ведь уже говорила – для вас я всегда здесь, днем и ночью. Будете держать гнев в себе – считайте, что сжимаете в руке раскаленный уголь. Рано или поздно вы его в кого-ни-

будь бросите. Вас сжигает гнев.

– Вы прочитали это на печенье с предсказанием? – поднял брови Маркус.

– Мой дед был японцем, буддистом. Он рассказывал мне о предсказании судеб в учении Будды. Бабушка, родом из Ирландии, принадлежала к католической церкви и учила меня любить врагов и молиться за тех, кто подвергает тебя гонениям. Это слова Иисуса.

Маркус молча смотрел на Эмили.

Она вспомнила высказывание Будды, о котором говорил дед. *Одно слово, несущее мир, всегда лучше тысячи пустых слов.* К сожалению, ей придется найти иные способы, чтобы привнести мир в душу Маркуса Уильямса.

– Сколько вы не спите?

– Почему вы спрашиваете? Хотите уложить меня прямо здесь?

Эмили не стала отвечать. Ей уже приходилось видеть Маркуса в подобном состоянии. Любая попытка поговорить по душам наталкивалась на глумливые ответы, которые только уводили их от основной темы. Она встала, открыла ящик стола и, достав оттуда флакон с таблетками, кинула его в сторону Маркуса.

Он поймал пузырек и уставился на этикетку.

– Это еще что?

Эмили уселась за стол и начала делать пометки в блокноте.

– Подобрала вам препарат для улучшения сна.

– Благодарю, док, не стоит. Мне необходима полная концентрация, и такую гадость я принимать не буду.

Маркус бросил ей флакон. Эмили поймала его и тут же что есть силы кинула обратно. Флакон стукнул Маркуса в грудь.

– Концентрация? О какой концентрации можно говорить, если в вашем баке бензина на доньшке? Вы истощены, ваша реакция вот-вот снизится до нуля! Это все равно что ходить на работу пьяным. Берите чертовы таблетки и хоть чуть-чуть поспите, или ноги вашей на оперативной службе не будет! Понятно излагаю?

Маркус несколько секунд не сводил с Эмили взгляд, потом все же нагнулся, поднял пузырек и направился к выходу.

Эмили, продолжая смотреть в свой блокнот, добавила:

– Маркус, будьте осторожны, прошу вас.

Он не стал оборачиваться, а уже у двери сказал:

– Знаете, чему еще учит Будда? «Тайна бытия в том, что не должно быть страха. Не бойся предстоящего, ни на кого не надейся. Свобода приходит лишь тогда, когда отказываешься от помощи».

Маркус открыл дверь и вышел в ночь, а Эмили, не найдясь с ответом, смотрела ему вслед.

Маркус вошел в свой кабинет и швырнул куртку на одно из кресел для посетителей. В помещении пахло новой кожей и старым винилом. Аромат кожи исходил от мебели, приобретенной за счет казенных средств, винилом же пахло собрание пластинок, задвинутых в угол комнаты. На стенах висели киноафиши – в основном из фильмов с Джеком Николсоном, а также первого «Хищника», второй части «Чужих», первой трилогии «Индианы Джонса» и «Крепкого орешка». В комнате было еще несколько постеров, посвященных другим излюбленным картинам Маркуса. Каждая афиша пестрела автографами актеров и съемочной группы. В другом углу кабинета, на тумбочке под телевизором, росла коллекция вещей, использованных в качестве реквизита для различных фильмов. Зарплату Маркус особо ни на что не тратил, а редкие часы досуга проводил на аукционной площадке eBay. Семейные снимки в кабинете отсутствовали.

Едва переступив порог кабинета, Маркус почувствовал, что на диване кто-то сидит, но притворился, что не заметил гостя, и, сев за рабочий стол, начал просматривать почту.

– Вам стоит быть осторожнее – не к каждому ведь получится подобраться незаметно. Я обычно сначала стреляю, вопросы приберегаю на потом.

– А ты уверен, что я не вытащил обойму из твоего «ЗИГ-

зауэра»?

Маркус поднял взгляд на Директора «Пастуха» и едва не потянулся к кобуре.

– Да уж, с вас станется.

– Я ведь предупреждал тебя, мальчик. Девяносто процентов ситуаций, с которыми ты сталкиваешься, у тебя не под контролем. Так что управляй хотя бы оставшимися десятью. – Директор положил руку на одеяло с подушкой, сдвинутые к подлокотнику дивана. – Говорят, ты съехал из квартиры, которую мы тебе сняли, и перебрался в служебный кабинет?

– Никакого смысла в этой квартире не было. Я почти все время на службе, а когда нет – меня всегда можно найти в офисе. Представляете, какую сумму мы сэкономили налогоплательщикам?

– Какая может быть личная жизнь, если у тебя нет дома?

– Мой дом – здесь. – Маркус обвел рукой кабинет.

Директор оглядел коллекции, собранные подчиненным, и задержал взгляд на стопке фотографий с мест преступления, лежавших на столе.

– С Мэгги у тебя отношения наладились?

Маркус молчал, некоторое время бесстрастно смотрел на Директора, потом ткнул пальцем в папку, которую тот зажал под мышкой.

– У нас новое дело?

– Если быть точным – старое, просто появились новые

факты. Ты не ответил на мой вопрос.

Маркус молча ждал продолжения.

– Она тебя любит, Маркус. Не говори, что ничего не подозреваешь, – произнес Директор.

– Можно папку? – протянул руку Маркус. – Если это дело напоминает те, с которыми мы работали последнее время, рассусоливать некогда.

Директор не шевельнулся.

– Как у тебя со сном?

Маркус раздраженно вздохнул и встал из-за стола.

– Вы наняли меня, чтобы я работал. Работой я последний год и занимаюсь. Это моя жизнь. Каждый из плохих парней, дела которых вы клали мне на стол, получил свое. У вас остались сомнения в моих способностях?

Директор не стал отводить взгляд.

– Ты знаешь, что нет.

– Тогда передайте мне эту чертову папку, и я возьму ее в работу. Если считаете, что я недотягиваю в профессиональном плане, пожалуйста, надерите мне задницу, не стесняйтесь, и давайте отложим в сторону все остальное.

Директор замолчал, и некоторое время оба сидели совершенно неподвижно. Наконец шеф извлек папку и кинул ее на стол. Маркус забрал документы, присел на край столешницы и открыл первую страницу.

– Анархист?

– Именно. Мы не знаем точно, сколько человек он убил,

но здесь явно пахнет оккультизмом. Подробности найдешь в деле. Анархист не проявлял себя около полутора лет. Прежде по его делу некоторое время работал Аллен; он планирует встретиться с тобой в Чикаго. Парень убил по крайней мере трех женщин, и еще пять числятся пропавшими без вести.

– Их тела не обнаружены?

– Пока нет. Разумеется, мы считаем, что они погибли. Запомни: дело ведет полиция, а ты не высываешься, но делаешь все, чтобы остановить убийцу.

Маркус кивнул. Когда его брали на работу, Директор обозначил единственную цель: наиболее желательный исход каждой операции – смерть преступника. И все же порой функция «пастуха» заключалась в том, чтобы оказать сильную помощь полиции при задержании подозреваемых. Маркус надеялся, что на этот раз убивать не придется.

Директор направился к двери и, обернувшись, добавил:

– Я требую, чтобы ты отдохнул хотя бы день, прежде чем займешься Анархистом. Ты должен быть готов на сто процентов. Ясно?

– Предельно. Сто десять процентов.

Директор прищурился, но комментировать не стал. Закрывая за собой дверь, он пробормотал через плечо:

– Бог в помощь. Хорошей охоты.

Маркус вернулся за стол и расчистил место для новых документов. В полиэтиленовом пакетике, прищипленном к об-

ложке папки, лежала флеш-карта. Он вытащил ее и вставил в порт «Мака». Удивительно, зачем Директор до сих пор таскает бумажные папки? Со дня вступления в должность Маркус перевел взаимодействие группы в цифровой формат. Он открыл каталог, переслал файлы по защищенной почте Эндрю и другим членам команды и вывел на экран фотографии молодых женщин, убитых полтора года назад, и последней, погибшей накануне ночью. Фотограф удачно запечатлел счастливые лица девушек. Маркусу пришло в голову, что некоторые из этих снимков еще развешаны по Чикаго с подписью «Пропала без вести». У каждой из девушек была семья, каждая о чем-то думала и мечтала. У них украли настоящее, украли и будущее. Маркус смотрел в глаза жертв, запоминая их лица.

Наконец он достал из кармана телефон и набрал номер Эндрю.

– Я тебе кое-что отправил по электронной почте.

После долгого молчания Эндрю поинтересовался:

– Уже выдвигаемся?

– Зло не ждет, Эндрю. Выезжаем через полчаса. Собирайся.

– Ты босс, тебе виднее, – вздохнул напарник.

Маркус нажал кнопку отбоя и застучал по клавиатуре, открывая файлы. Затем нащупал в кармане таблетки, вытащил пузырек и, посмотрев на этикетку, бросил лекарство в ящик стола и задвинул его. На кону стояли невинные жизни, а ему

до отъезда в Чикаго надо было еще перелопатить кучу материала.

День второй. 16 декабря, вечер

9

Компьютер Харрисон Шоуфилд держал в мастерской гаража и выходил в интернет через три прокси-сервера. Он был почти уверен, что полиция никогда не проследит его по IP-адресу, потому что принял все возможные меры. Беспроводной расширитель диапазона он установил в ветвях деревьев за домом и подключался к незащищенной сети одного из соседних домов. Если даже кто-нибудь установит IP-адрес, тот будет принадлежать соседу, а не Шоуфилду. Как обычно, он просчитал все варианты развития событий. Во всяком случае, так он думал.

Еще раз убедившись в своей полной анонимности, Шоуфилд включил изображение с камер и пролистал несколько записей. Вот и она – Джесси Олаг, следующая жертва, за которой он наблюдал уже полгода. Девушка занималась обычными вечерними делами и слушала музыку. И хотя до Шоуфилда звук не доносился, он чувствовал ритм по движениям ее тела. Вот Джесси медленно покачивает головой, вот двигаются ее бедра. Девушка выглядела такой радостной, умиротворенной... Как? Как ей удавалось быть счастливой? Шоуфилд провел небольшое исследование и знал о Джесси Олаг

абсолютно все.

Ее родители сидели на наркотиках. В жизнь семьи вмешалась служба социальной защиты детей, и юность Джесси провела у разных приемных родителей, переходя из одного дома в другой. Детей у нее не было. У девушки были множественные кисты яичников, что в итоге привело к бесплодию. Муж Джесси оказался конченным алкоголиком и дома беспробудно пил. К счастью, работал он в ночную смену, и виделись они с Джесси нечасто. Их встречи дома были мимолетны, однако даже эти редкие вечера выдавались напряженными: насилие незримо витало в доме Джесси. Близких друзей она не завела, да и работа ей досталась абсолютно бесперспективная – в кофейне местного торгового центра.

И все же, несмотря ни на что, с ее лица не сходила улыбка. Каждое воскресенье Джесси вызывалась поработать волонтером в местной кухне для бедных, а каждый второй вторник месяца ухаживала в приюте за бездомными животными. У Джесси была добрая душа; когда она улыбалась, все вокруг начинало светиться.

У девушки имелось то, в чем отчаянно нуждался Шоуфилд. Минуты, когда он испытывал радость или удовлетворение, были редки и эфемерны. Шоуфилд родился бездушным. Скоро он заберет кусочек души Джесси Олаг, попробует ее счастье на вкус, и радость девушки поселится в его сердце.

Шоуфилд припарковал машину в переулке за домом и натянул черную вязаную шапочку. Она полностью прикрывала лицо, лишь для глаз и рта были прорезаны специальные отверстия. Шоуфилд еще раз внимательно осмотрелся и вышел из автомобиля. Он шел уверенно, заранее проиграв в уме каждое свое движение.

Обойти гараж, дальше – по подъездной дорожке. Нагнуться, вытащить ключ от черного хода из-под горшка с засохшим гибискусом, который Джесси раньше заносила на зиму в дом. Подняться по ступенькам к раздвижной стеклянной двери, вставить ключ, повернуть, осторожно отодвинуть дверь, войти в дом и тихо закрыть створку.

Шоуфилд вошел в кухню, бросив взгляд по сторонам. Странно видеть эту комнату под таким углом, да еще и в цвете... За полгода он уже привык к монохромному зернистому изображению с маленькой видеокамеры. В кухне висели и стояли красно-белые интерьерные вещицы в типичном американском стиле; то же самое Шоуфилд заметил и в смежной комнате – столовой. А вот и хиленькая рождественская елка, украшенная самодельными игрушками: стоит у окна в гостиной. Жалюзи опущены, однако сквозь них пробивается свет фар проезжающей мимо машины, и по потолку пробегают лучики. Шоуфилд прислушался. Все тихо, лишь обыч-

ные скрипы и шорохи старого дерева, которые зимой издает любое здание.

Он прикрыл глаза и втянул воздух. Джесси перед сном жгла свечу, и в воздухе еще витал сладковатый аромат ириса.

Шоуфилд пересек гостиную и поднялся по лестнице к спальне Джесси. Вторая и пятая ступеньки издавали жуткий скрип – их давно пора было поменять. Шоуфилд осмотрительно перешагнул через них, поставив ногу сначала на третью, а потом сразу на шестую ступеньку. Наверху он пошел вдоль стены, скрываясь в тени, и наконец попал в коридор, ведущий к последней двери.

Спальня была закрыта изнутри на обычную цепочку. Шоуфилд вынул проволочный крючок с магнитом на конце, которым можно спокойно справиться с подобным запором, он приоткрыл дверь на сантиметр, просунул крючок внутрь и повел им в сторону. Цепочка легко вышла из паза. Шоуфилд придержал ее кончик, не дав ему брякнуть о дверь, и проскользнул в спальню.

Он тихо и осторожно приблизился к кровати и несколько секунд постоял, рассматривая спящую девушку. Джесси легла в длинной футболке и фланелевых пижамных штанишках. На груди футболки красовался серый ослик из «Винни-Пуха». На щеку и губы Джесси упала непокорная прядь, и Шоуфилд подавил невольное желание отвести ее в сторону.

Он переместился в изножье кровати и аккуратно припод-

нял простыню; сейчас ему требовалась ступня Джесси. Шоуфилд вытащил из кармана куртки лидокаин – сильнодействующий анестетик, нанес его на область между пальцами девушки и несколько минут постоял, ожидая, когда наступит онемение. Затем достал шприц и ввел в потерявшую чувствительность ступню раствор димедрола, валмида и валиума.

Шоуфилд глянул на часы, выждал еще немного и наконец откинул с лица Джесси непослушный локон. Девушка не пошевелилась. Шоуфилд наклонился над кроватью и поцеловал ее в щеку.

– Прости, Джесси. Мне так жаль...

День третий. 17 декабря, утро

11

Мэгги Карлайл спустилась по металлической лестнице в гаражный отсек. Из гаража наружу открывалась подъемная дверь. Сейчас внутри находился весь их автопарк – черный «юкон», кремовый минивэн, белый «форд-искейп гибрид», черный «бьюик-лакросс» и «Шевроле-Камаро Z28» 1969 года выпуска. «Камаро» тоже был черным, с красными полосами на бортах, как у гоночных автомобилей, и соответствующим тюнингом. На этой машине ездил сам Маркус. Мэгги диву давалась, что ему удалось заставить Директора купить «камаро», – не иначе как в качестве бонуса при оформлении на службу.

Стены гаражного отсека были сложены из выцветшего красного кирпича, а когда-то гладкий цементный пол потрескался. Несколько кусков отсутствовало, и пришлось эти места засыпать гравием. В углу двора пробивалась какая-то растительность, пытаясь взобраться на кирпичную стену.

Задрав голову, Мэгги увидела нервный центр их организации, где расположились кабинеты и тренировочные залы. Само здание, раньше принадлежавшее текстильному заводу, пустовало более десяти лет, уже планировался снос. Сказать,

что помещение они выбрали скромное, значило бы сильно приукрасить действительность, однако Маркус, обнаружив это место, сразу в него влюбился. Как минимум расположен старый завод был весьма удачно. Кирпичное здание стояло в тупике среди деревьев, неподалеку от Роуз-Хилл. Совсем рядом проходило шоссе L-395, ведущее к Мемориалу Джорджа Мейсона и в самый центр Вашингтона. Вся поездка отнимала менее получаса.

Мэгги ступила на ржавую нижнюю ступеньку и кинулась к «юкону». Дверцы внедорожника были распахнуты. Маркус и Эндрю негромко переругивались, загружая оборудование.

Эндрю открыл ящик с боеприпасами.

– Какого черта мы тащим с собой столько огнестрельного оружия?

Ответ Маркуса эхом разнесся по двору:

– Принцип презерватива, Эндрю.

– Что-что?

– Знаешь, пусть у меня будет резинка в записке, даже если не придется ей воспользоваться. Хуже, когда она нужна, а ее нет.

– У нас два полностью снаряженных пистолета-пулемета «Крисс-Супер V», пять тысяч патронов сорок пятого калибра да еще пистолеты. Мы ожидаем, что разразится мировая катастрофа и на улицы выйдут толпы зомби?

– Никогда не знаешь, с чем столкнешься. Если придется вступить в бой, хочу, чтобы на нашей стороне был огневой

перевес.

– Я еду с вами, – подойдя к мужчинам, заявила Мэгги.

Маркус опустил сумку на землю и обернулся. На носу у него сидели темные очки «окли», скрывавшие выражение глаз.

– Мне нужно, чтобы ты осталась здесь, Мэгги. Если у нас появятся дополнительные сведения, будешь помогать с расследованием отсюда.

Мэгги взглянула на Эндрю в поисках поддержки, но тот лишь поднял брови и пожал плечами, намекая, что ей придется справляться своими силами.

– Черт возьми, Маркус, зачем ты так со мной? Уже третий раз оставляешь меня в конторе! После Гаррисберга ты обращаешься со мной как с несмышленным ребенком, которому нужна нянька. Да, я тогда допустила детскую ошибку, но это может случиться с любым из нас! Неужели меня следует безоговорочно посадить на скамью подсудимых?

– Детская ошибка? Ты не подчинилась моему приказу и чуть не погибла! Впрочем, сейчас речь не об этом. Я не просто так тебя оставляю. Ты можешь понадобиться. Закончили обсуждение.

Мэгги дотронулась до его руки, прошептав:

– Все из-за того, что между нами происходит? Я ведь профессионал, Маркус, и никогда не допущу, чтобы личные отношения повлияли на работу.

Маркус на секунду прикрыл глаза.

– Это тут совершенно ни при чем. Просто твое присутствие требуется здесь. Ясно?

Мэгги почувствовала, что Маркус беспокоен. Что он испытывал? Страх? Стыд? Сожаление? Но о чем тут сожалеть? Может, стыдился того, как в последнее время с ней поступал? Или жалеет о том, что между ними вообще есть отношения? Мэгги не знала, как реагировать, и предпочла промолчать.

В гаражный отсек вошел Стэн Макаллан, их компьютерный гений.

– Отправил тебе статистику и те файлы, которые понадобятся в Чикаго, – обратился он к Маркусу.

Маркус поблагодарил его и снова посмотрел на Мэгги.

– Позвоню завтра утром, дам новую информацию по делу.

Эндрю закончил грузить вещи в «юкон», поднял ворота и, махнув Мэгги, сел за руль. Маркус бросил взгляд на внедорожник и вновь обернулся к Мэгги. Наверное, ему хотелось что-то сказать, однако, как обычно, он придержал язык, кивнул и залез в «юкон».

Мэгги стояла во дворе, наблюдая, как большой черный автомобиль отъезжает от здания. «Юкон» покатился по грунтовке, местами заросшей сорняком, а Мэгги подумала: почему мужчина, которого она любит, не отвечает на ее чувства? А если даже и любит – зачем отталкивает?

День третий. 17 декабря, вечер

12

Специальный агент Васкес заехала в автокафе «Старбакс». Забрав кофе, она поблагодарила бледного юношу на выдаче и выехала на серой «краун-виктории» на Тридцатое шоссе. Криминалисты из полицейского участка Джексонс-Гроув уже закончили работу на месте второго преступления. Мужа похищенной женщины забрали в отдел для заполнения протокола. Васкес решила еще раз осмотреться на месте, пока никто не отвлекает, и сегодня вечером как раз представилась прекрасная возможность. Ехать было недалеко – по шоссе Линкольна, потом по Дивижн-стрит. Дом похищенной жертвы находился в Хикори.

Чикаго с пригородами раскинулся на площади в десять тысяч квадратных миль, на которых проживало почти десять миллионов человек. Окраины представляли собой непрерывную череду городков и деревушек, где стена к стене стояли жилые дома и магазины. Каждый из пригородов мог похвастать собственным, иногда забавным, названием, в каждом имелся свой полицейский участок. Область контроля местных полисменов была ограничена не географически, а скорее названиями улиц. Собственно Чикаго находился в са-

мом центре агломерации и объединял все эти бесчисленные населенные пункты под общим названием Большой Чикаго.

Васкес ехала по мирной окраине города и не переставала размышлять – почему жители окраин даже в мыслях не держали, что здесь когда-нибудь случится такой ужас. Анархист вполне мог занимать один из домишек, которые проносились мимо. Волк в овечьей шкуре...

Она проехала тем же путем, который ночью выбрал убийца, и попала в переулок позади двухэтажного дома кремового цвета. С пассажирского сиденья твякнул маленький йорк и прыгнул ей на колени. Розовый адресник на его ошейнике звякнул словно колокольчик. Пес обнюхал ее лицо, лизнул в нос, и Васкес отпрянула, легонько похлопав йорка по голове. К собачьим нежностям она еще не привыкла. Щенка в преддверии Рождества подарил ей брат Робби, сказав: «Раз не можешь найти подходящего мужчину, пусть у тебя будет хотя бы собака». К счастью, пожилой сосед с радостью присматривал за собачонкой, пока Васкес была на службе. Робби, человек настроения, о таких мелочах не задумывался.

– Ну-ну, хороший мальчик, – сказала Васкес, когда язычок йорка прошелся по ее щекам. Она оттолкнула голову щенка от своего лица. – Хватит, хватит. Мне еще работать. Если набезобразничаешь в машине, пока меня нет, куплю большую змею, и она с удовольствием тобой поужинает!

Где сейчас несчастная пропавшая девушка Джесси Олаг? Наверняка напугана, одинока, ждет помощи. И явно чув-

ствует, что смерть приближается.

Опять потянуло закурить – обычное дело при стрессе. Перекатывая жвачку во рту, Васкес заметила кое-что странное. В одной из комнат дома горела лампочка. Криминалисты обычно выключали свет, заканчивая работу на месте преступления, а муж похищенной девушки до сих пор находился в участке.

Васкес потянулась за телефоном и набрала номер Белакура.

– Привет, Тревор. Я правильно понимаю, что ты допрашиваешь мужа жертвы?

– У нас пока перерыв, – прозвучал из трубки дребезжащий голос Белакура. – Парню нужно собраться с мыслями. Он здорово расстроен.

– Не допускаешь, что муж причастен?

– Пока рано говорить. Но если он приложил к этому руку, по нему плачет «Оскар». Ты что-то хотела спросить?

– Кто-нибудь из ваших сейчас может быть в доме Олаг?

– Нет, они еще часа два назад свернулись.

Васкес подумала, что выглядит параноиком, однако всегда лучше проявить бдительность, чем потом жалеть о собственной беспечности.

– В доме горит свет.

– Наверное, забыли выключить. Они ушли, когда еще было светло. Хотя... Вообще криминалисты ребята такие – ничего не забывают. Знаешь, стой где стоишь, я пришлю тебе

пару парней.

– Хорошо, Тревор. Спасибо!

Васкес нажала на кнопку отбоя и заметила, что на втором этаже загорелось еще одно окно. Она потянулась к оружию и вышла из машины, оставив хнычущего йорка в салоне.

В доме кто-то был, и Васкес не собиралась терять время, ожидая подкрепления.

Она сдвинула в сторону стеклянную дверь, вошла в дом и замерла, прислушиваясь. Со второго этажа донесся какой-то звук, и Васкес тут же бросилась к лестнице, взяв на прицел верхнюю лестничную площадку. Вытянув руку с пистолетом, она машинально перенесла центр тяжести чуть вперед. Сердце забило, большой палец сам снял оружие с предохранителя. Сколько уже было таких ситуаций, и все равно каждая из них оказывалась по-своему непростой.

Васкес начала бесшумно подниматься, прошипев сквозь зубы проклятие, когда под ногами закрипели ступеньки. Добравшись до верха, она вновь взяла паузу. Шаги раздавались в спальне жертвы, в той самой комнате, где убийца оставил свою подпись.

Наверху вполне мог находиться Анархист. Убийцы нередко возвращаются на место преступления. Кто-то пытается воссоздать в памяти сладостные события, другим это нужно, чтобы оживить свою большую фантазию. Вполне возможно, что Анархист сейчас всего лишь в двадцати футах от нее.

Васкес глубоко вздохнула, пересекла коридор и толкнула ногой дверь спальни. В комнате, спиной к Васкес, стоял мужчина в серой рубашке и штанах цвета хаки, рассматривая фотографии на дубовом комодe.

– Руки на затылок! – негромко приказала Васкес.

Мужчина подчинился и медленно поднял руки. Васкес слишком поздно поняла, что допустила ошибку: в комнате, прямо у нее за спиной, притаился второй человек. Она мгновенно обернулась, однако преимущество уже перешло к противнику. Васкес лишь краем глаза успела заметить, как незнакомец, одетый в толстовку с капюшоном, кожаную куртку и голубые джинсы, метнулся к ней из темного угла за дверь.

Человек крепко схватил Васкес за руку, с пугающей четкостью вывернул ей кисть и выхватил пистолет. Она даже не успела отреагировать, а незнакомец уже толкнул ее ладонью в грудь, оттеснив к порогу спальни.

Васкес качнулась, пытаясь обрести равновесие. Осталось лишь пожалеть, что она не стала дожидаться подкрепления.

– Кажется, теперь ваша очередь заложить руки за голову, – сказал человек в хаки.

Второй мужчина шагнул в круг света и направил пистолет в грудь Васкес. Черноволосый, высокий – наверное, чуть выше шести футов. Под курткой скрывались бугры твердых мышц. Белки ярких, светившихся недюжинным умом глаз испещряли красные прожилки. Васкес решила, что парочка просто-напросто задумала банальное ограбление. Возможно, они знали, что произошло в доме, и не предполагали, что на месте недавнего преступления в ближайшее время кто-то появится. Подобных стервятников сегодня хватает: только и

ждут, когда где-то случится беда.

Васкес подняла руки, скрестив их на затылке.

Человек, выхвативший у нее пистолет, извлек магазин и передернул затвор, вытряхнув патрон из ствола. Он ловко поймал патрон, вставил его в обойму и швырнул оружие на кровать Джесси Олаг. Васкес с некоторым удивлением наблюдала за его действиями. Все так же молча мужчина запустил руку в карман и предъявил удостоверение: «Министерство юстиции. Специальный агент Маркус Уильямс».

Васкес тут же опустила руки и ткнула агента пальцем в грудь.

– Какого черта вам тут нужно? Здесь место преступления! Сюда можно прийти только по предварительному согласованию с подразделением, ведущим расследование. Умнее ничего не придумали? Я могла пристрелить вас обоих!

Уильямс закатил глаза, и Васкес испытала острое желание хорошенько пнуть его по яйцам. Наверное, только так удалось бы стереть с его рожи самодовольную улыбочку.

– Уверен, что этим преступлением обеспокоены не только вы, – заявил Уильямс.

– С каких пор министерство юстиции занимается расследованием таких дел? У вас нет никакого права здесь находиться!

Агент Уильямс сделал шаг вперед, подойдя почти вплотную.

– Мы занимаемся расследованием особых случаев и на-

ходимся здесь по распоряжению Томаса Колдуэлла. Вы наверняка о нем наслышаны. Мистер Колдуэлл – министр юстиции, высшее должностное лицо правоохранительных органов США.

– Мне плевать, кто вас послал! Вы не вправе действовать в обход официальных каналов и нарушать протокол.

Глаза Уильямса превратились в щелочки.

– Пошли женские штучки... Слушайте, я не намерен тратить время, слушая, как вы тут качаете права! Что касается ваших официальных каналов и протоколов, засуньте их себе...

В разговор вклинился мужчина в хаки и представился, встав между Васкес и Маркусом:

– Специальный агент Эндрю Гаррисон. Простите, что не следуем протоколу. Мы как раз проезжали через этот район и решили сэкономить немного времени. Однако вы правы, нам следовало предупредить.

Уильямс вновь закатил глаза и отошел в сторону. Гаррисон метнул на него раздраженный взгляд.

– Нас прислали в качестве консультантов по вашему расследованию. Возможно, начало вышло не лучшим, но мы теперь – одна команда. Давайте попробуем еще раз, если вы не против. Кстати, мы не знаем, как вас зовут.

Васкес собралась было заявить Гаррисону, что никакой помощи не требуется, однако прекрасно понимала: от чиновников из правительства таким образом не отделаться. Если

агентов действительно направил министр юстиции, то у них будет максимальная поддержка из столицы.

– Отлично. Специальный агент Виктория Васкес, ФБР. И все же, что вы здесь делали?

– Хотели без помех осмотреть место преступления, – объяснил Уильямс.

Васкес подумала, что ей руководили те же самые мотивы, и вдруг вспомнила о подмоге, которую обещал Белакур. Она чертыхнулась, схватила телефон и попросила отменить выезд группы. Махнув рукой в сторону коридора, Васкес предложила:

– Раз уж мы все равно здесь, давайте ознакомлю вас с обстановкой.

Акерман нажал клавишу на ноутбуке, вызвав командную строку, и запустил тайного трояна. Вирус должен был дать ему доступ к серверу Директора «Пастуха». Троян представлял собой маленькую программу, внедряемую в операционную систему главной машины. Опыт подсказывал, что обнаружить червя практически невозможно. Акерману пришлось приложить некоторые усилия, чтобы похитить сестру одного известного хакера и принудить его к сотрудничеству, которое на сто процентов оправдало потраченное время. Не так сложно добиться своего, если ты готов причинить кому-то боль или даже убить. В том, что касалось боли, Акерман не знал себе равных.

Он открыл файлы, предназначенные для группы Маркуса, и принялся за чтение материалов о человеке, которого в прессе называли Анархистом. Чем больше он читал, тем больше восхищался его работой. Парень знал, что такое настоящий голод, – в этом Акерман не сомневался.

Он закрыл крышку ноутбука и собрал вещи. Значит, Чикаго... Акерман вполне мог оказаться там уже утром. Он взглянул на часы на ночном столике и прикинул время, которое потребуется полиции, чтобы добраться до его убежища. Вай-фай был включен в цену дешевого номера, снятого на ночь. Акерман подключался к интернету через удаленные узлы и

прокси-серверы, как учил его друг хакер. В основном для связи использовались иностранные серверы в недружественных государствах типа Беларуси. Власти таких стран вряд ли стали бы сотрудничать с правительством США при проведении расследования. И все же Акерман принимал дополнительные меры предосторожности: никогда не оставался надолго в том месте, откуда получал нелегальный доступ к файлам. Он появлялся и исчезал словно призрак, просто растворялся в ночи. Его пытались отследить по звонкам Маркусу, однако Акерман был предельно осторожен, а уж при компьютерных взломах – тем более.

Когда он заселялся, на белых стенах комнаты висело несколько репродукций, но Акерман их снял. Он провел детство в крошечном чулане, где отец подвергал его пыткам. Потом несколько лет прошло в тюрьмах и больницах для душевнобольных. Акерман привык, что места, в которых он жил, изысками не отличались, поэтому ночевать в комнате, где на стенах висели картины, ему было и странно, и тревожно. Он предпочитал полное отсутствие мебели и частенько спал прямо на полу.

Пора в путь. Скоро Маркусу потребуется помощь, которую мог оказать только Акерман.

Агент Уильямс пристально осматривал каждый дюйм на месте преступления, а Васкес подозрительно наблюдала за его действиями. Маркус не торопился и, похоже, пытался вникнуть в каждую, даже самую незначительную мелочь. Васкес взглянула на часы, подавляя растущую тревогу.

– Убийца осторожен, практически не оставляет улик, – сказала она.

– Уходя, всегда что-то с собой забираешь, что-то оставляешь. Принцип обмена Локара.

– Я тоже это проходила, – ответила Васкес. – Разумеется, какие-то следы преступник оставил. К сожалению, этого недостаточно. Мы не в состоянии определить, где его искать. Есть отпечатки подошв – размер десять с половиной, только он меняет туфли после каждого преступления, и это самая обычная обувь, которая продается в любом магазине, например в «Уолмарте». Еще мы обнаружили тальк на дверных ручках.

– Резиновые перчатки.

– Верно. И больше ничего – ни образцов волос, ни чешуек кожи, ни отпечатков пальцев. Он пичкает женщин наркотиками, поэтому они не оказывают сопротивления. Никаких следов крови. Он...

– Я все это читал, – прервал ее Уильямс, подняв руку

вверх. – Пожалуйста, не шумите. Если у меня будут вопросы, я к вам обращаюсь.

Агент был настолько груб и бестактен, что Васкес на некоторое время утратила дар речи. Она судорожно подбирала слова.

– И чем же конкретно вы занимаетесь в министерстве юстиции, специальный агент?

Уильямс криво улыбнулся.

– Эта информация засекречена. Кстати, меня зовут Маркус.

Он прошел мимо Васкес и направился к заднему входу. Она ошеломленно повернулась ко второму агенту, который представился как Эндрю Гаррисон. *Он что, всегда такой?* – говорило выражение ее лица. Гаррисон пожал плечами.

Васкес вышла через стеклянные двери вслед за Маркусом, не помня себя от злости. Вместо того чтобы идти по следу убийцы, приходится опекать этих двух идиотов!

Маркус прошелся по двору. Под подошвами ботинок хрустел снег, щеки пощипывал морозец. Он вышел в переулок, глубоко вздохнул, и в воздухе зависло облачко пара. Маркус прикрыл глаза, попытавшись сосредоточиться и отсеять ненужную информацию. Издалека доносился голос Васкес. Та жаловалась Эндрю, а напарник строил из себя дипломата. Маркусу они сейчас не мешали.

Он прислушался к себе и почувствовал, как внутри все сжалось от голода. Этот особый голод терпеливо ждал, затаившись в темноте. Сейчас Маркус вызвал его на поверхность.

Почувствовав, что готов, он открыл глаза и окинул дом свежим взглядом. С того места, где он находился, просматривалась часть кухни и столовая. Впрочем, вид был не лучшим: отсюда не определишь, что Джесси уже легла спать. Выйдя из дома, они не стали выключать свет, и Маркус видел освещенные окна, однако окно спальни на переулок не выходило. Переместиться ближе к центру фасада? Нет, здесь обзор загромождал огромный клен.

Убийце необходимо было видеть жертву – это элемент игры, ее возбуждающая часть. Ему требовался доступ к частной жизни Джесси, возможность наблюдать за ней.

Переулок располагался под уклоном. Подняться чуть вы-

ше? Маркус прошел немного вверх и обернулся. Да, отсюда прекрасно видно кухню и некоторые другие комнаты, особенно с биноклем. Маркус включил фонарик и исследовал землю, пытаясь обнаружить то, чего здесь быть не должно: окурки, обертки от конфет, стаканчик из-под кофе. Безуспешно.

И все же он чувствовал: что-то здесь не так. Девушку выбрали не случайно. У преступника имелась определенная причина, он спланировал все очень тщательно. Не исключено, что он даже знал девушку. Или вообразил себе, что знаком с ней.

– Какого черта он там копается? Я уже промерзла! – Васкес глянула на Эндрю.

Маркус не обратил на ее слова никакого внимания и переместился на место, с которого начал осмотр. Убийца наверняка изучил местность – должен был убедиться, что его не заметят на подходе к дому. Да, в осторожности ему не откажешь: просчитал и проанализировал каждый шаг. Возможно, в обычной жизни убийца работает с математическими данными. Он явно исследовал район, осмотрел переулок, оценил расположение дома Джесси, обзор из окон соседских коттеджей и отметил для себя наличие заборов, деревьев и иных препятствий. Наверное, он надвигал на лицо капюшон или надевал маску – одним словом, старался скрыть лицо и цвет волос. И скорее всего предпринял меры, чтобы его автомобиль не отследили.

Маркус вновь приблизился к дому, пройдя по той дорожке, которую, вероятно, и выбрал преступник. У крыльца задней двери он остановился. Крыльцо представляло собой просто бетонную плиту, над которой хозяева соорудили навес. От внимательного взгляда такой навес не защитит. Открыть раздвижную дверь обычной пластиковой карточкой не удастся. Замок можно взломать – как, собственно, и поступили Маркус и Эндрю, – однако и это было крайне рискованно. Преступник обязан учитывать, что его могут увидеть, поэтому случайному свидетелю должно казаться, что в дом входит человек, имеющий на это право. Никакого взлома, особенно если хозяева на ночь оставляют свет над крыльцом. Убийце требовался ключ.

– Следов взлома не обнаружено, верно?

– Неужели вы соблаговолили со мной заговорить? – съязвила Васкес.

Маркус молча окинул ее бесстрастным взглядом. Через несколько секунд Васкес отвела глаза и подтвердила:

– Взлома не было.

Маркус кивнул. Он пошарил вокруг двери, тайника с запасным ключом не обнаружил и снова исследовал крыльцо, где стояло несколько горшков с цветами. Перед крыльцом хозяева выложили небольшую площадку из разноцветных камушков, ограниченную по периметру красным ландшафтным кирпичом; дальше из-под снега торчали стебли засохших растений. Ключ могли прятать под любым из кирпичей,

однако при необходимости его не так просто было оттуда достать: не слишком приятно шарить рукой в грязи, натываясь на червей и жучков.

Маркус подошел к горшкам с цветами и начал один за другим их переворачивать. Под третьим цветком лежала небольшая черная коробочка с белой надписью: «Запасной ключ».

– Коробку не проверяли на отпечатки пальцев? Не исключено, что нам повезет: вдруг убийца забыл надеть перчатки до того, как вытащил ключ.

Маркус в такой возможности сомневался, однако человеку свойственно ошибаться.

– Наверняка проверили, – ответила Васкес. – Уточню.

Маркус открыл дверь, вошел в дом и внимательно осмотрелся в красно-белой кухне, затем, впитывая запахи и вкусы дома, окинул взглядом столовую с гостиной. Обычные скрипы и шорохи рассохшегося дерева, легкий цветочный аромат. Ирис. На дубовой горке стоит оплывшая свеча с биркой «Свечи от Мейпл-Валли».

Он прошел через гостиную и поднялся на лестницу, ведущую в спальню. Под ногами громко заскрипели ступеньки. Маркус надавил ногой на каждую из них, определил те, что скрипят, и подумал, что убийца знал и об этом. Неужели он настолько хорош в своем деле?

Маркус свернул с лестничной площадки к спальне Джесси и увидел, как наяву, мирно спящую в своей кровати девушку. В памяти начали всплывать материалы, которые он

изучил перед выездом. Убийца накачивал женщин наркотиком, почему те и не сопротивлялись. Вот он вводит шприцем раствор, берет жертву за руку, тихонько шепчет, успокаивая ее...

Как узнать наверняка, что женщина уснула?

Анархист настолько внимательно относился к каждой мелочи, что вряд ли стал бы полагаться на случай. Допустим, он открывает дверь, а жертва читает в постели или просто не может уснуть, переживая события прошедшего дня. Наверняка последует отчаянная борьба, женщина начнет царапаться, кусаться, попытается убежать, будет швырять в убийцу вещи... Ни при одном похищении подобного не происходило.

Оставались и другие вопросы. Откуда убийца знал, что мужа Джесси не будет дома? Почему был уверен, что не помешает случайный прохожий или гость? В какое время Джесси обычно ложилась спать? К какому часу ее ждали на работе?

Ответ ясен. Убийца все знал, потому что досконально изучил свою жертву, был в курсе ее привычек и распорядка дня. Это человек крайне организованный, все просчитывает, исключая случайности.

И все же в рассуждениях Маркуса имелось слабое место. *Как узнать наверняка, что женщина уснула?*

Он уставился на огромную красную А, обведенную кругом. Букву преступник изобразил на стене спальни, восполь-

зовавшись баллончиком с краской. Подпись убийцы, его визитная карточка. Отсюда и прозвище – Анархист.

Вот убийца несет тело девушки по коридору, по ступенькам, выходит на заднее крыльцо – и снова подвергает себя риску. На заднем дворе его могли увидеть.

– Свидетели есть?

– Мы установили, что каждое из похищений и последующих убийств совершалось в три часа ночи. Большинство людей в это время спят. Нашли одного парня при расследовании предыдущей серии убийств – он как раз вышел покурить и заметил машину, свернувшую в переулок. На этом ниточка оборвалась. Лучший свидетель у нас был по последнему похищению. Женщина видела, как человек парковал машину в переулке, и обратила внимание, что он подошел к дому. В тот момент она ничего плохого не предположила.

– Я хотел бы поговорить с ней.

Васкес потеряла виски, вытащила из кармана жевательную резинку и отправила в рот, не выплюнув две предыдущие.

– Как угодно. Организуем. Здесь закончили? Гашу свет, запираю?

Маркус еще раз обвел взглядом комнату и кивнул.

– Да, здесь все.

Выйдя на холодный воздух, Маркус ощутил приступ отчаяния. Кое-что он здесь увидел, кое-что понял, однако этого было недостаточно. Анархист – профессионал, и у Маркуса появилось тревожное чувство, что остановить его не удаст-

ся: последуют новые убийства.

Элеонор Адар Шоуфилд нагнулась над столом и поцеловала мужа на ночь. Тот сжал ее руку, приложил к своей щеке.

– Люблю тебя. Не засиживайся, – шепнула жена. Она работала медицинской сестрой в госпитале Оук-Фореста и на смену уходила рано утром.

– Я тебя тоже люблю, – ответил Шоуфилд, наблюдая, как Элеонор поднимается по лестнице на второй этаж их чудесного дома.

Темные деревянные полы ретродизайна делали на заказ. По периметру протянули длинные дубовые доски, инкрустированные тонкими полосками орехового дерева, а в каждом углу комнаты орех уложили квадратиками. Дизайн Шоуфилд подсмотрел в интернете. Выяснилось, что инкрустация и сложные узоры вошли в моду во времена промышленной революции. Деревянные покрытия тогда подешевели, так как изобрели новые способы обработки дерева. Особняк, облицованный красным кирпичом, занимал площадь в 4656 квадратных футов, не считая подвала, в котором еще шел ремонт, и вместил в себя пять просторных спален и три большие ваннные комнаты. Столешницы вырезали из темного гранита. В главной ванной Шоуфилд установил джакузи и роскошную душевую кабину с многочисленными насадками, струи из которых били под самыми разными углами. У

них с женой имелись гардеробные размером с жилую комнату в обычных домах. Высота потолков составляла двенадцать футов, а в гостиной поднимались прямо-таки кафедральные своды.

Дом стал воплощением их мечты, идеальным жилищем. И все же кое-чего Шоуфилду не доставало.

Он не ощущал счастья. Похоже, ничто не могло заполнить пустоту, поселившуюся в его сердце, точно ненасытная раковая опухоль. Шоуфилд не испытывал никаких чувств, он был пуст, бесполезен.

Несколько лет назад Элеонор нашла ему психиатра – немолодого человека с жалкой седой бороденкой, и Шоуфилд согласился пройти небольшой курс лечения. Миновало несколько месяцев, и врач сообщил, что необходимы дальнейшие исследования, поскольку пациент страдает отсутствием способности испытывать удовольствие. Отметил он и резистентность больного к новым приятным впечатлениям. Доктор заключил, что недуги Шоуфилда осложнились убийственной комбинацией умеренной депрессии и тревожного расстройства личности. Подобное сочетание, пояснил он, вызывает ощущение собственной неполноценности, повышенную чувствительность к отрицательным оценкам и боязнь социального взаимодействия.

Шоуфилд точно знал, что дело не только в этом, и вскоре после долгого разговора с врачом предпочел завершить лечение. Психиатр не помог. Средства от его болезни еще не

придумали.

Шоуфилд был не способен ощущать радость, потому что родился без души.

Нет, он любил свою семью, хотел обеспечить ее благополучие. Они заслуживали всего самого лучшего. Ему необходимо стать для них образцовым мужем и отцом, а для этого существовал лишь один способ.

Шоуфилд нажал кнопку на пульте, и с мелодичным сигналом включился большой плоский экран телевизора. Следующий час Шоуфилд просидел в одиночестве, в полной темноте, составляя планы на вечер, а затем поднялся по лестнице, заглянув к жене и детям. Все мирно спали.

Пора за дело.

Он прошел через мастерскую в гараж и открыл багажник «тойоты». Джесси еще спала. Шоуфилд периодически вводил ей дополнительную дозу наркотика с учетом ее роста, веса и количества жировой прослойки. Осложнения сегодня вечером ему не нужны.

Девушка напоминала ему девчонок из лагеря в лесу, где прошло его детство. Это и привлекло внимание Шоуфилда, когда он увидел Джесси в первый раз, в кофейне торгового центра. Много лет назад он знал одну девочку; повзрослев, она очень напоминала бы Джесси Олаг. Девочку звали Мэри Кэтрин, и Шоуфилд одно время даже был в нее тайно влюблен.

Перед его глазами предстало жуткое зрелище: дети виз-

жат, сгорая в ревушем пламени, их глаза вытаращены от ужаса... Все смотрят в центр круга, на него.

Шоуфилд тяжело сглотнул, кинул последний долгий взгляд на Джесси и прикрыл багажник. Пришло время принести новую жертву.

День четвертый. 18 декабря, утро

18

Прицелившись, Мэгги отправила шесть девятимиллиметровых пуль в центр круга на груди черного силуэта. Следующую обойму, на пятнадцать патронов, она расстреляла в две маленькие мишени – одну на груди, другую на голове ростовой фигуры.

Мэгги смахнула с глаз светлую прядь и, сняв наушники, повесила их на крючок сбоку от огневой позиции. Она умело переломила ствол «глока», взявшись одной рукой за затвор, другой – за фиксаторы с обеих сторон пистолета, толкнула вперед пружину, вытащила ее; то же самое проделала со стволом. Теперь необходимо было обработать части пистолета смесью из баллончика, протереть их и смазать, после чего пистолет можно собрать.

Мэгги вышла со стрельбища, трижды щелкнула выключателем и зашагала по длинному коридору ко второй двери направо. Туалет был оснащен старой белой раковиной и типовым американским унитазом. Мэгги трижды намылила руки антибактериальным мылом, каждый раз споласкивая их под струей воды. В коридоре она снова три раза включила и выключила свет, заставив замигать лампочки наподобие стро-

боскопа.

В конце коридора находилось большое помещение, которое текстильная фабрика использовала как сортировочную. В комнате сохранилось хаотическое нагромождение постепенно осыпающихся кирпичных перегородок. Между покрытых красной ржавчиной потолочных опор стояло лучшее компьютерное оборудование в мире. Серверные шкафы и рабочие станции были заключены в большую металлическую клетку. Мэгги вспомнила, как Стэн Макаллан, технический гений их подразделения, что-то рассказывал об экранированной камере, которая защищала компьютеры от атак электромагнитными импульсами. Сетевые шнуры и электрические кабели змеились по полу, свиваясь в запутанные кольца. Помимо компьютерного оборудования в клетке стоял телевизор с экраном на восемьдесят два дюйма, два черных кожаных диванчика, кофейный столик и «Плейстейшн-3». На экране телевизора застыла на паузе картинка какой-то игры. Рядом, на кофейном столике, мигал красным индикатором джойстик.

Стэн сидел за одним из терминалов и с сумасшедшей скоростью барабанил по клавишам. Мэгги еще до встречи была наслышана об основных этапах его карьеры и представляла себе огромного хакера совершенно иначе. Стэн окончил Массачусетский технологический институт, после чего организовал небольшую фирму, занимавшуюся программным обеспечением. Впоследствии маленькую компанию выкупил

«Гугл», щедро расплатившись акциями и наличными.

Что касалось не всегда безупречной биографии сотрудников, «пастухи» придерживались неписаного правила: «Не выпрашивай, не рассказывай». Каждый из членов организации понимал, что его кандидатуру выбрали вследствие имевших место в прошлом травм или инцидентов, открывших в них уникальные способности. Все они представляли собой своего рода подпорченный товар. Например, Мэгги знала, что у Эндрю когда-то была семья – жена и дочка, а Директор ранее служил психологом-криминалистом в подразделении поведенческого анализа ФБР.

Мэгги также пережила одну историю, в которой фигурировали ее младший брат и серийный убийца, известный как Забирающий Жизни. Она поежилась при мысли, что убийца брата до сих пор на свободе.

Стэн был здоровяком ростом далеко за шесть футов и весил двести семьдесят фунтов. Его руки покрывали татуировки, а рыжеватая борода тянулась аж до пупка. На столе стояли полупустая бутылка шотландского виски двадцатилетней выдержки и пластиковый стаканчик.

Мэгги развернула стул, уселась рядом со Стэном и поздоровалась.

– Как работа?

– Маркус считает, что Анархист вовсе не ложился на дно на последние полтора года, – пробурчал Стэн, не отрываясь от монитора. – Он полагает, что убийца сменил *modus*

operandi или уехал в другой город. Вот, рыскаю по сети в поисках чего-нибудь полезного.³

– И что выловил?

– Пока пусто. Чем сама занимаешься?

Мэгги плеснула в пластиковый стакан на пару сантиметров скотча и выпила одним глотком.

– Как видишь.

Стэн вытаращился на нее, приоткрыв рот.

– Не встречал еще женщину, к которой меня влекло бы больше, чем к тебе. Не хочешь снять рубашку и повторить?

Мэгги толкнула его в плечо и налила себе еще.

Стэн глянул на часы и спросил:

– Правильно понимаю, что Маркус еще не звонил?

– Не звонил.

– Наверное, рановато.

Мэгги промолчала и выпила снова.

– А знаешь, я с тобой согласен, – продолжил Стэн. – Дерьмово Маркус поступил, оставив тебя здесь. Интересно, как он сам поступил бы в такой ситуации?

– Предложил бы начальнику засунуть свое решение в одно место и делал бы то, что считает нужным, – засмеялась Мэгги.

Впрочем, веселье быстро прошло. *Именно так и следует*

³ Образ действия (*лат.*). Данное выражение часто используется в криминалистике для указания на типичный способ совершения преступлений и служит основой для составления психологического портрета преступника.

поступить.

Стэн подъехал к ней на кресле и заявил:

– На твоём месте меня бы уже ветром отсюда сдуло. – Он сгреб со стола листок бумаги, валявшийся рядом с монитором, и протянул Мэгги. – Взял на себя труд забронировать билет на следующий рейс до Чикаго. Вот твой посадочный талон. Собирайся.

Шоуфилд уселся завтракать в окружении двух дочерей и сына. Младшему из детей стукнуло пять, старшей, Алисон, – пятнадцать. Алисон поставила в центр гранитной столешницы тарелку с оладьями. По утрам они всегда завтракали вместе, собравшись вокруг островка посреди кухни. Обычно на завтрак в их семье ели овсянку или кукурузные хлопья, однако у Алисон начались в школе уроки домоводства и дочь настояла, что хотя бы раз в неделю будет готовить на завтрак «настоящую» еду.

Шоуфилд понимал, что должен испытывать гордость за Алисон, радоваться ее ответственности и заботливому характеру. Кроме того, старшая дочь уже превращалась в девушку. И все же эмоций почти не было, если не считать тупой боли, наполнявшей всю его жизнь.

Шоуфилд постоянно совершал над собой насилие, лишь бы дети не поняли, что на самом деле чувствует их отец. Он глубоко вздохнул и натянул на лицо фальшивую улыбку.

– Пахнет чудесно, Алисон. Горжусь тобой, дочь! Прекрасно поработала.

Она уселась и подмигнула отцу.

– Ты же знаешь, кто тут у нас самая потрясающая дочь года, в конце-то концов!

Шоуфилд улыбнулся и запустил вилку в блюдо с оладья-

ми.

– Папа? – подала голос пятилетняя Мелани. – Сначала надо помолиться!

– Разумеется, дорогая. Начнешь?

Они взялись за руки, и Мелани заговорила писклявым голоском:

– Благодарим Тебя за то, что наш мир так прекрасен, благодарим за еду, которую даруешь нам. Спасибо Тебе, что есть птицы, поющие по утрам. Спасибо Тебе за все, Господи!

У Мелани выпал зуб, и вместо «с» она выговаривала «ф», но Шоуфилд этого маленького дефекта даже не заметил. Мысленно он вернулся во времена своего детства, когда проносил точно такие же молитвы, а учил его человек, которого все называли Пророк. Тогда они жили в коммуне «Апостолы анархии», где процветал культ поклонения Сатане. Он вспомнил других детей их общины, их крики; представил, как они сгорают заживо...

– Папа! – окликнула его Мелани.

Шоуфилд тут же вернулся в настоящее.

– Что, солнышко?

– Хочу сироп!

– Сейчас, детка.

Шоуфилд подтолкнул к дочери бутылку, наклонился и поцеловал Мелани в макушку. Девочка заулыбалась. Оказывается, у нее выпал даже не один зуб, а сразу два передних. Расплылся в улыбке и Шоуфилд, глядя на свою маленькую кра-

савицу. *Как же я их всех люблю*, подумал он. Радость оставалась для него чувством недоступным, а вот любовь, привязанность и нежность он ощущал вполне. Семья просто придет в ужас, если вдруг узнает, каким чудовищем оказался их муж и папа. Шоуфилд прилагал все силы, чтобы они были счастливы, и сам пытался к этому счастью прикоснуться хоть на минуту. В глазах стояла страшная картина: любимые дети плюют в него, называют уродом, с искривленными ангельскими лицами швыряют в него камни...

Шоуфилд подумал о Джесси Олаг, вспомнил, как накануне она истекала кровью, корчась в огне... Да, он заслужил такую судьбу, заслужил каждый камень.

Аллен Брубейкер подошел к номеру и собрался было постучать, когда заметил крошечное устройство, прикрепленное к стене дверной ниши на уровне колена. Маленький аппарат напоминал кусочек лейкопластыря и практически сливался с кремовой стеной. Обычный человек его не разглядел бы, однако специальная подготовка Аллена дала о себе знать, к тому же он предусмотрительно надел очки. На самом деле почти невидимый кружок на стене был датчиком движения, который отправлял текстовое сообщение на сотовый телефон или на компьютер, стоило чужаку лишь сделать шаг к двери. Аллен подумал, что Маркус наверняка выяснил, в какие часы приходит убираться горничная, чтобы не реагировать на ее визиты. На ручке двери висела табличка «Не беспокоить».

А мальчик-то становится настоящим параноиком, решил Аллен.

Он покачал головой и снова поднес руку к двери, однако коснуться ее не успел. Сзади раздался голос:

– Кто идет?

Аллен едва не подпрыгнул от неожиданности, поднял руки вверх и медленно обернулся.

– Руки можно опустить. Не ставь себя в неловкое положение. – Маркус улыбнулся. – Кто это говорил, Профессор?

Шекспир?

Аллен, большой знаток истории и литературы, отозвался:

– Вообще-то Авраам Линкольн.

– Что-то я о нем слышал... Бородатый, в большой шляпе, верно?

– Точно, – хмыкнул Аллен и хлопнул Маркуса по спине.

«Профессор» опекал Маркуса в начале службы в «Пастухе», и они успели подружиться. К едким замечаниям Маркуса Аллен привык, а вот его способности к расследованиям до сих пор впечатляли. И все же мальчику еще многому предстоит научиться.

– Пригласишь меня в номер?

– Мы остановились здесь, Профессор, – указал на соседнюю дверь Маркус, – а тот номер – ложная цель. Я снял его на свое имя, а тот, другой, – на Генри Джонса-младшего.

Господи, да он и вправду параноик...

Аллен перешагнул порог соседнего номера и приветствовал Эндрю, восхитившись тем, как разместились коллеги. Номер состоял из двух комнат. В передней стояли раскладной диван, пара кресел, маленький холодильник и телевизор с плоским экраном. Ребята задвинули тумбочку с телевизором в дальний угол, а вместо нее поставили сенсорный дисплейный терминал. Маркус, только присоединившись к «Пастуху», говорил Аллену, что неплохо бы приобрести такое современное оборудование. Экран представлял собой складной, не толще бумажного листа, жидкокристалли-

ческий монитор с активной матрицей на органических светодиодах. Монитор смонтировали на стеклянном щите с добавками силиконового каучука. Суперэластичный материал был чрезвычайно прочен на разрыв. Впервые подобную технологию изобрел «Самсунг», и она все еще находилась на стадии прототипа.

– А где моя старая доска для записей?

– Отдал Стэну, – пожал плечами Маркус. – Приказал сжечь. Добро пожаловать в будущее, Профессор.

Аллен недовольно заворчал, потом, смирившись, обратился к Маркусу:

– Покажи, чем мы располагаем.

– Материалы ты читал, поэтому должен быть более-менее в курсе дела. Кое-что меня беспокоит. Во-первых, откуда убийца знает, что его жертва уже легла спать, когда он заходит в дом? Он аналитик, грубая сила – это не про него. Еще не пойму, как ему каждый раз удается избежать сопротивления жертвы. Во-вторых, почему, забрав девушку, он убивает ее именно следующей ночью?

– Наверное, хочет насладиться новым приобретением, – предположил Эндрю. – Как коллекционер. Получает кайф от чувства обладания, от ощущения власти над жертвой.

Маркус задумчиво прикусил нижнюю губу, рассматривая оперативные заметки на экране, поднял руку и поменял две из них местами.

– Может быть...

– Каждый раз, когда говоришь «может быть», ты уверен, что этого быть не может, – закатил глаза Эндрю.

– Может быть, – кивнул Маркус.

Эндрю глянул на Аллена в поисках поддержки, но тот лишь ухмыльнулся. Ему было приятно, что за время его отсутствия кое-что осталось неизменным.

– И еще, – продолжил Маркус. – Глаза. Он заставляет их держать глаза открытыми. Зачем? Фиксирует веки, чтобы жертва не могла отвести взгляд в сторону.

– Хочет, чтобы жертва смотрела, чтобы она его видела. Возможно, это один из немногих моментов, когда убийца показывает свое лицо.

– Может быть, – криво усмехнулся Маркус.

Эндрю метнул на напарника раздраженный взгляд.

– Маркус, что ты думаешь о связи с ритуалами сатанинских культов? – спросил Аллен.

– Что бы там ни говорили, во время таких ритуалов убийства происходят нечасто. Да, изредка встречаются заблуждающиеся последователи культа, которые утверждают, что дьявол заставил их убивать. Фактически с тем же успехом можно сказать: меня заставил убить мой пес или, допустим, Элвис Пресли. Просто бред. И все же я не исключаю, что мы действительно имеем дело с сатанистом. Однако, если даже связь с культом и есть, судя по обстановке на местах преступлений и по анализу почерка, которым убийца пишет свои символы, имеются основания утверждать, что преступ-

ник действует в одиночку. Об этом говорят и отпечатки обуви. Стэн сейчас работает с версией религиозной секты.

Маркус ткнул ярлык в нижнем правом углу экрана. Перед ними всплыло окно с крутящимся символом загрузки. Через несколько секунд на мониторе появился Стэн.

– Великий мастер кунг-фу к вашим услугам!

– Что нашел по букве А в круге?

– Это символ анархии. От него и плясала пресса, когда дала убийце прозвище. Видимо, кто-то из копов слил фотографию его подписи. Думаю, денег ему хватило, чтобы прошвырнуться в Санта-Лючию или Аспен, а может – и в Диснейленд. Ну или на любовницу.

– Стэн, не отвлекайся.

– Есть не отвлекаться, шеф! Копнул чуть глубже и нашел один источник, согласно которому А, заключенная в круг, – символ Антихриста, высшего олицетворения анархии и апокалипсиса.

Маркус поднял руку, останавливая Стэна.

– Хорошо. Я хочу, чтобы ты вошел в базу данных каждой больницы, каждой психиатрической и психотерапевтической клиники в Чикаго и нашел связь с этим символом или человека, который считает себя Антихристом или действует от имени Антихриста. Дальше. Проверишь наличие любых связей буквы А в круге с любой группой сатанистов или сатанистом-одиночкой. А потом найди мне сведущего человека, который захочет с нами поговорить; человека, который

знал бы, чем дышит местная субкультура.

Стэн затих, лишь рябило его изображение на экране. Наконец он поморщился и заявил:

– Босс, вы представляете, сколько психиатров и психологов работает в Чикаго?

Маркус скрестил руки на груди и без тени сомнения общил:

– Две тысячи четыреста девяносто.

– Черт, откуда вам это известно?

– Это было в статистических выкладках, которые ты готовил по моей просьбе.

– Я хочу сказать – как вы это запомнили?

Маркус на секунду задумался.

– На самом деле я не запоминаю цифры. Просто у меня в голове хранится зрительный образ каждой странички. Когда нужно, я вызываю его из памяти, как из каталога с цифровыми снимками на компьютере.

– Ученым стоило бы исследовать ваш мозг, босс.

– Им не понравится то, что они там найдут. – Маркус глянул на часы. – Ладно, тебе есть чем заняться, а мы пока отправимся на совещание в полицейский участок Джексонс-Гроув.

Стэн с сарказмом махнул им рукой и отключился.

– Мы идем на совещание? – удивился Аллен.

Маркус еще раз перетасовал оперативные заметки на мониторе, а Эндрю ответил:

– Да, нас вчера вечером пригласила агент Васкес из ФБР.

– Директор говорил, что вы вроде бы наладили контакт с Бюро?

– Можно и так сказать. Они с Маркусом поладили.

Маркус по-прежнему не отрывал взгляд от экрана и на подначку не поддался.

– Ни одно из подтвержденных убийств не произошло за границами штата. Все они случились в пределах юрисдикции одного полицейского управления. Как правило, картина места преступления и того места, где преступник оставлял труп, следует определенной пространственной модели, хотя для каждого преступника они разные. У каждого из них есть своя зона комфорта – как и у всех нас. Она охватывает их жилище и место работы. Статистически зона комфорта со временем растет, по мере того как убийца оттачивает свое мастерство. Однако к нашему парню все это отношения не имеет. Он пустил щупальца во все уголки Большого Чикаго, но дальше не пошел. Вот я и думаю – нет ли у него на это конкретной причины? Еще такая схема означает, что юридически ФБР не должно вмешиваться в это дело.

Аллен щелкнул пальцами, и Маркус и Эндрю повернулись к нему. Аллен поднял палец.

– Васкес... Знакомое имя. Васкес и Белакур руководили расследованием, когда мы занимались последней серией убийств.

– Мы не пересекались с полицией по тому делу, – заметил

Эндрю. – Не вмешивались до последнего и начали действовать незадолго до того, как стало понятно, что пропали пять женщин, а убийца скрылся. К тому моменту на многое уже рассчитывать было нельзя.

– У меня привычка выяснять информацию о детективах, ведущих дело, к которому я подключаюсь. Васкес был хорошим копом, работал основательно. Я звонил в Чикаго через полгода после того, как следствие взяло паузу, хотел выяснить, есть ли новые зацепки. Оказалось, что Васкес погиб при пожаре. Дело Анархиста стало последним в его карьере.

– А вот это интересно, – пробормотал Маркус. – Значит, мне не зря показалось, что у Васкес есть какие-то личные мотивы. По-моему, к нам она относится с подозрением. У нее словно шило в заднице.

– Ты серьезно? – Эндрю недоверчиво уставился на напарника. – По-моему, неудивительно, что она нам не доверяет. Ты вел себя по отношению к ней как полный придурок.

– Ничего подобного.

– Нет, именно так!

Аллен поднял руки, успокаивая коллег.

– Ребята, сейчас это уже неважно. Давайте просто не будем ей мешать. Действуем скрытно, как всегда.

– Скрытность не самая сильная сторона Маркуса, – хмыкнул Эндрю.

Маркус нацелил палец в грудь напарника и заявил:

– За собой следи. Я не хуже других способен быть милаш-

кой.

– Ладно, ладно, – поднял руки Эндрю.

Маркус снова посмотрел на часы.

– Похоже, нам пора, если не хотим опоздать на совещание.

– Где твой братик? Пора выходить, – обратился Шоуфилд к старшей дочери.

– На заднем дворе, наверное.

Шоуфилд поднял рюкзак сына с наклейкой Человека-паука.

– А вещи ему не нужны?

– Пап, я не могу следить за всем в этом доме, – раздраженно засопела Алисон.

– Спокойно, подрастающее поколение. Я не хотел тебя обидеть.

Дочь показала ему язык, и Шоуфилд подмигнул.

– Пап, а ты сегодня поедешь к бабушке?

Шоуфилд ощутил укол стыда, а в желудке возник твердый ком, стоило ему подумать о матери. Как бы она ни относилась к сыну в прошлом, какую бы боль она ему ни причинила, эта женщина дала ему жизнь. Несмотря ни на что, Шоуфилд, наверное, любил свою мать. Любил и в то же время ненавидел, не в силах ее простить.

– А что?

– Слышала, что вы говорили об этом с мамой. Просто подумала... может, возьмете меня с собой? Я ведь уже не маленькая, выдержу.

– Солнышко, боюсь, и меня маленьким не назовешь, од-

нако даже мне с ней трудно. Знаешь что? Посмотрим, как она себя сегодня чувствует. Если все будет хорошо, в следующий раз поедешь с нами.

– Спасибо, пап!

Шоуфилд собрал завтраки для младших детей – бутерброды с арахисовым маслом и вареньем, нарезанное яблоко для Мелани и сэндвич с ветчиной и сыром для Бена и упаковал еду в коробки для ланча. У Бена – с кадром из «Людей Икс», у Мелани – из «Доры-путешественницы». Алисон, в отличие от брата с сестрой, считала себя слишком крутой, чтобы таскать в школу завтраки из дома.

Шоуфилд поторопил дочек, и они вместе вышли на задний двор. Где-то рядом засмеялся сын, однако Шоуфилд ощутил мгновенный приступ страха, услышав вторивший сыну мужской голос. Он бросился вперед и свернул за угол. Они стояли на лужайке между их и соседским домами. Бен в своей дутой голубой куртке остановился у сугроба и кинул мяч. Подачу принял старик с длинными седыми волосами и коротко подстриженной снежно-белой бородкой.

Бен заметил отца и закричал:

– Папа, смотри, мистер О’Мэлли вышел поиграть со мной!

Сосед Шоуфилдов бросил мяч в сторону Бена и сказал с сильным ирландским акцентом:

– У мальчика твердая рука, Харрисон. Не успеем оглянуться, как он попадет в НФЛ.

Бен захохотал, откинув голову. Все его маленькое тело

дрожало от восторга.

– НФЛ – это футбол, мистер О’Мэлли! В баскетбол играют в НБА!

О’Мэлли засмеялся вместе с мальчиком, и Шоуфилд почувствовал ревность и гнев. Подумать только, как легко и непосредственно они тут смеются, точно двое старых друзей, обмениваются шутками.

– Прости, мой мальчик, – сказал О’Мэлли. – Я слежу только за европейским футболом. А когда учился в университете, играл в регби.

– В футбол я играл, а про «режь-беги» никогда и не слышал!

– О, это замечательная игра. Научу тебя, когда погода наладится.

– Слышал, пап? Мистер О’Мэлли научит меня играть в «режь-беги»!

Шоуфилд погладил сына по голове и сказал, слегка запинаясь:

– Здрóрово, Бен! Но нам с тобой пора в школу. Мистер О’Мэлли – человек занятой. – Шоуфилд старался не встретиться взглядом со стариком.

Бен махнул соседу и побежал к гаражу.

– До свидания, мистер О’Мэлли! Хорошего дня!

– И тебе тоже, мой мальчик!

Старик вмешивался в их жизнь, точил лясы с его детьми... Шоуфилд был вне себя от ярости. И все же он сдер-

жался, повернулся к О'Мэлли спиной и пошел вслед за сыном. О'Мэлли крикнул вдогонку:

– Харрисон, хотел поблагодарить за снегоочиститель!

Шоуфилд, не оборачиваясь, вскинул над головой руку. Он терпеть не мог старика и испытывал отвращение к его голосу с дурацким акцентом.

– Он мне больше не нужен, – не успокаивался О'Мэлли. – Занесу его к вам в гараж.

Шоуфилд резко обернулся.

– Нет-нет, просто оставьте перед дверью.

– Слушайте, у нас хороший квартал, и все же машинку могут украсть, если оставить ее снаружи. Может, я попрошу Бена помочь, когда он вернется из школы? Бен – хороший мальчишка, всегда готов подсобить.

– Нет, мы... мы будем заняты. Оставьте около гаража, ничего страшного.

Шоуфилд дышал часто, напряженно, руки тряслись. Он ненавидел О'Мэлли, передергивался от одного звука его голоса и страшно бесился от того, что старик лезет в их жизнь. Как-нибудь надо набраться мужества решить эту проблему раз и навсегда.

Полицейский участок Джексонс-Гроув располагался в одноэтажном здании из красного кирпича посреди большого неосвоенного земельного участка. Акерман видел, как Маркус со своей командой свернул с Пятидесятого шоссе на парковку. Над крышей здания торчала огромная антенна, через вход и вестибюль шла стеклянная галерея. Потолок также был стеклянным, и дизайн участка напомнил Маркусу торговый центр. Бежево-синяя вывеска над входом сообщала: «Сельский округ Джексонс-Гроув». Парковку заполнили полицейские машины.

Проезжая мимо, убийца подумал, что его привело сюда само Провидение. Когда-то он полагал, что человек идет по жизни в одиночестве, блуждает в потемках; нет ни Бога, ни дьявола. Только человек. А человек – всего лишь животное, поверившее в совершенно нереальные выдумки о Боге и загробной жизни.

Сейчас Акерман уже не считал, что в мире существуют лишь произвольные всплески хаоса, боли и смерти. Сейчас он видел цель и понимал ее значение. Сформировавшись как личность под влиянием боли, Акерман стал смертельно опасным оружием, инструментом судьбы.

Скоро и Маркусу придется осознать роковые предначертания. Кусочки головоломки встанут на свои места, и наступит

пит ясность; Маркус посмотрит на мир совершенно иным взглядом. Судьба выбрала Акермана, сделав его катализатором проявления Божьей воли. Для него же самого таким катализатором стал Маркус.

Акерману вспомнилась когда-то услышанная цитата: *Человек часто встречается свою судьбу именно на том пути, на который свернул, чтобы ее избежать*. Сказано словно о Маркусе. Он будет сражаться с роком на каждом повороте своей жизни, и все же судьбы не избежит. Предначертание в конце концов исполнится.

Акерман покрутил в руках нож с пятнадцатидюймовым лезвием и замер, любуясь отражением света в нержавеющей стали клинка. Не следует ли ему убрать из жизни Маркуса некоторые отвлекающие от истинной цели факторы, чтобы тот сумел реализовать свое предназначение?

Маркус сидел в неудобном сером кресле в задних рядах зала совещаний, наблюдая за детективом-сержантом Тревором Белакурром. Тот поднялся на трибуну в передней части комнаты и попросил внимания. За его спиной висела огромная белая доска для записей. С потолка доску освещал проектор, подвешенный на металлической цепи. Голые стены зала были окрашены в кремовый цвет; за окнами расстилались типичные сельские пейзажи. Большой раскладной стол у стены был заставлен стаканчиками с кофе. Присутствующим также предлагались пончики, сливки и сахар. Зал заполнили полицейские в форме, среди которых мелькали мужчины и женщины в белых рубашках и костюмах. Всего в совещании принимало участие человек тридцать. Разговоры затихли, и участники совещания начали занимать места. В помещении витали запахи, типичные для аудиторий любого колледжа: аромат чистящих жидкостей с лимонной отдушкой, кофе и маркеров для настенной доски. Маркус заметил агента Васкес, спокойно сидящую в первом ряду.

Он наклонился к уху Аллена и шепнул:

– Я где-то читал, что ребята из Джексонс-Гроув входят в рабочую группу по расследованию особо важных дел в южных пригородах. Наверное, здесь детективы и из других округов?

Аллен кивком указал на Белакура. Тот уже рассказал о подробностях дела, попросив собравшихся ознакомиться с пакетом документов, который каждому раздали при входе в конференц-зал. Белакур объяснил, что ему и раньше приходилось заниматься Анархистом, потому он будет работать в связке с ведущим детективом Марлоном Ступаком. Белакур попросил всех присутствующих согласовывать свои действия с ними.

Ступак – стройный чернокожий мужчина с ухоженной эспаньолкой – привстал и сделал широкий приветственный жест. Уж больно щегольски одет, решил Маркус.

– Для нас также большая честь, что специальный агент Виктория Васкес будет консультировать полицию в ходе расследования.

Васкес встала, окинула взглядом зал и сухо кивнула.

– Вам наверняка известно, – продолжил Белакур, – что два дня назад была похищена новая жертва, Джесси Олаг. Если убийца не изменил почерк, скорее всего женщина уже мертва.

Маркус открыл пакет и быстро пролистал бумаги. Белакур перешел к обсуждению действий полиции по задержанию убийцы, однако Маркуса не слишком интересовали маршруты патрульных машин. В конверте нашелся лишь один документ, с содержанием которого ему еще не довелось ознакомиться: психологический портрет преступника.

Автор записки указывал, что Анархист является чрез-

вычайно организованным человеком. Преступник – белый мужчина в возрасте от тридцати пяти до пятидесяти лет. С этими выводами и с некоторыми другими гипотезами автора Маркус согласился бы, однако чем дальше читал, тем большее возмущение его охватывало. Записка содержала категорически неверные суждения. Подчеркивалось, что убийца, вероятно, одинок, хотя и социально адаптирован. Автор говорил, что преступник вполне может оказаться приятным в общении человеком, но под маской скрывается эгоистическая личность, испытывающая отвращение к людям. Составитель профиля настаивал на нарциссизме, свойственном убийце, и патологической неспособности ощущать раскаяние за совершенные преступления. У преступника, судя по записке, не складывались отношения с женщинами; он винил их за свои жизненные неурядицы.

Психологический портрет с точки зрения терминологии был составлен правильно, однако ему недоставало глубинного видения, что могло повести полицию не в том направлении. Руководствуясь таким портретом, следователи могли бы не обратить внимания на потенциальных подозреваемых и дальше пойти по неверному пути. В таком случае умрут еще несколько невинных людей.

Белакур заговорил о специфических характеристиках убийцы, когда Маркус замахал рукой из глубины зала, пытаясь привлечь внимание детектива. Эндрю прошептал:

– Ты что делаешь? Опустить руку!

Маркус не обратил на напарника никакого внимания; он был уверен, что детектив заметил сигнал, однако намеренно отводит взгляд в сторону. Наконец Белакур пробурчал:

– Да, вы, в конце зала – хотите что-то добавить?

Маркус поднялся с места.

– Да, хочу. Специальный агент Маркус Уильямс, министерство юстиции. Вы должны понимать: этот профиль не стоит даже той бумаги, на которой напечатан. – Маркус поднял конверт над головой. – Будете принимать его за аксиому – никогда не поймаете убийцу.

– Быстро сядь, Маркус! – прошипел Аллен.

Белакур склонил голову к плечу и протянул:

– Неужели, агент Уильямс? Просветите же нас.

– В психологическом портрете присутствуют допущения, которые могут направить следствие по ложному пути. Во-первых, нет никаких оснований считать, что убийца – одинокий человек: не исключено, что он женат либо живет с женщиной в гражданском браке.

– Спасибо, агент, – усмехнулся Белакур. – Однако...

Маркус настойчиво продолжил:

– Он похищает жертву ночью, затем где-то держит весь следующий день и убивает лишь вечером. Полагаю, что у него просто недостаточно времени для того, чтобы совершить задуманное сразу: видимо, его ждут дома, и он торопится. Его жена, вероятно, работает в ночную смену, точно так же как и муж Джесси Олаг.

– Что ж, мы проанализируем...

– Кроме того, убийца не является ни социально адаптированным, ни приятным в общении. Ведь гораздо проще похитить женщину с улицы, заманить в машину, как делал Тед Банди. Но преступник не идет по легкому пути. Он нейтрализует жертву в ее собственном доме, избегая самого незначительного сопротивления, а подобные действия требуют тщательной подготовки. В профиле говорится, что убийца – психопат, однако и это не так. Он ненавидит себя за то, что ему приходится делать, но по какой-то причине не может остановиться.⁴

– Спасибо, агент Уильямс. Мы...

– Обратите внимание, как преступник заботится о жертвах.

– Заботится? Он пьет их кровь, насильственно фиксирует веки, сжигает заживо!

– Да, но лишь после того, как перережет бедренную артерию. Убийца, похоже, уверен, что облегчает мучения жертвы. Психопат на его месте наслаждался бы властью над женщиной, получал бы удовольствие от причиняемой ей боли. А наш преступник вводит женщине наркотик, и если сам не разбудит жертву, она и не вспомнит, что с ней случилось. Он по-своему не желает, чтобы жертва страдала более, чем это

⁴ Теодор Роберт Банди (1946–1989) по прозвищу Нейлоновый Убийца – один из известнейших серийных убийц Америки, на счету которого больше 30 убийств.

необходимо. У убийцы есть какая-то миссия. Он убивает не для того, чтобы получить удовольствие.

Белакур выдержал паузу и гнусаво осведомился:

– Это все? Позвольте продолжить?

– Нет, еще не все. В профиле нет ни слова о предполагаемой профессии преступника и о его автомобиле. Я бы сказал, что работа убийцы каким-то образом связана с математическими данными и переменными величинами: управление рисками, страхование, банковское дело, финансы, системный анализ. Он – белый воротничок. Водит «тойоту-камри», «хонду-акцент», «тойоту-короллу», «хонду-цивик», «ниссан-альтима» или «форд-фьюжн» – одну из самых популярных машин года.

– Догадка, основанная на статистической вероятности, – хмыкнул Белакур. – Статистику мы и сами можем посмотреть.

– Разумеется, и не только вы, но и убийца. Поэтому он и выбрал такой автомобиль. Преступник хочет смешаться с толпой, не оставляет ничего на волю случая. Он проанализировал информацию и приобрел машину, которая не будет выделяться. Таков его образ мышления.

– Благодарю за гипотезу, агент Уильямс. Все же мне кажется, что подготовленный нами психологический портрет более точен. Итак, мы...

– Кто составил профиль? Такое впечатление, что его писал курсант.

Аллен схватил Маркуса за руку.

– Маркус, прекрати!

Ноздри Белакура затрепетали, губы гневно сжались.

– Достаточно! Если попытаетесь сорвать совещание еще раз, я прикажу вывести вас из зала!

Маркус сел на место, кипя от негодования. Эндрю вытащил из своего конверта доклад с психологическим портретом и указал на правый нижний угол документа, где было отпечатано: «Подготовлено специальным агентом ФБР Викторией Васкес». Маркус прикрыл глаза и яростно потер виски. Таблетки от мигрени остались в отеле.

– Круто, – заметил Эндрю.

Аллен наклонился к Маркусу и шепнул:

– Ты вообще в курсе, что такое сдержанность?

Шоуфилд с женой проехали через пост охраны и припарковались у Психиатрической клиники Уилл-Каунти. В 1975 году больница изменила старое название – Центр содержания душевнобольных преступников Уилл-Каунти – на более политкорректное.

Шоуфилд глубоко вздохнул и обвел взглядом территорию так называемой «клиники». Все здесь разительно отличалось от обычной больницы. Заведение больше напоминало тюрьму. Перед ним находилось большое одноэтажное здание, облицованное красным кирпичом. Вокруг шел забор высотой футов двадцать с колючей проволокой поверху. Ограждение имело наклон внутрь, что делало практически бесполезными любые попытки перебраться наружу. На земле лежал снег; редкие клены и дубы, сбросившие листву, покрылись ледяной коркой. Пахло дизельным топливом и канализацией. Грязные воды реки Чикаго и Чикагского санитарно-судового канала впадали в реку Дес-Плейнс к югу от того места, где сейчас стоял Шоуфилд. Стоило ветру изменить направление, и запахи промышленных выбросов смешивались с ароматами канала, образуя чудовищное сочетание ядовитых испарений. Похоже, именно такие дни Шоуфилду и выпадали для посещения матери.

Они с Элеонор прошли в зону для посетителей. Огром-

ный чернокожий охранник, восседавший за дюймовым бронестеклом, запустил их внутрь и протолкнул сквозь лоток документы для заполнения. Шоуфилд заполнил анкеты и расписался в журнале регистрации, обратив внимание на несоразмерно маленькие руки охранника.

– Шкафчик для вещей потребуется? – осведомился вахтер.

– Нет, благодарю. Жена подождет меня здесь.

– Хорошо. Я сообщу, когда пациентка будет готова к визиту.

Шоуфилд уселся в оранжевое кресло для посетителей рядом с Элеонор, выгреб все из карманов и отдал жене.

– Хочешь, пойду с тобой?

– Не стоит. Тебе вообще ни к чему было отпрашиваться с работы, я бы вполне мог съездить один.

– Конечно, мог. Но ты не обязан навещать мать в одиночку – я знаю, как это тяжело. С тобой точно все в порядке?

– Да, все отлично.

– Я люблю тебя, Харрисон, и буду с тобой, что бы ни случилось. Ты знаешь, что всегда можешь поделиться со мной.

Шоуфилд понимал, что слова жены должны были вызвать в нем прилив нежности или даже счастья, но, к сожалению, ничего такого не ощутил. Он сжал руку Элеонор и поднес к губам.

– Спасибо тебе.

Прошло несколько секунд, и охранник крикнул:

– Шоуфилд!

Шоуфилд подумал: как глупо, что охранник четко следует установленным процедурам, ведь других посетителей в холле не видно. Он встал, и жена предложила:

– Если ей лучше, в следующий раз можем взять с собой детей.

– Наверняка ей это понравится, – улыбнулся Шоуфилд.

Дежурный латиноамериканской наружности в белой униформе открыл дверь с окошком, ведущую в тесное узкое помещение. Шоуфилд заметил у него слева на шее татуировку в виде питона. Стены комнаты для встреч резали глаз уже облупившейся желтой краской. Мать, красивая брюнетка с румяными щеками, сидела у дальнего конца серого прямоугольного стола. Выглядела она прекрасно. Она родила Харрисона в тринадцать лет и запросто могла сойти за его жену или сестру.

Шоуфилд устроился на металлическом стуле у другого конца стола. Из зарешеченного окошка за спиной матери пробивалось солнце, отражаясь от ее блестящих черных волос.

– Привет, мама, – поздоровался Шоуфилд. – С Рождеством!

Мать плюнула в его сторону.

– Грязный маленький слизняк, мерзость! Зачем пришел? Шоуфилд тяжело сглотнул, стараясь сохранить спокойствие.

– Я слышал, ты неплохо себя чувствуешь? Выглядишь совсем здоровой.

Мать повернулась к сыну спиной, отказываясь его видеть. Шоуфилд посмотрел в окошко двери, проверил, не наблюдает ли за ними дежурный с татуировкой. Снаружи никто не маячил.

– Мама, нас не подслушивают. Тебе не кажется, что пора рассказать, кем был мой отец?

– А то не знаешь, – скривилась она. – Меня изнасиловал демон, посеял в моей утробе свое злое семя.

Шоуфилд зажмурился, чтобы мать не увидела, как на его глаза навернулись слезы. Эти слова он слышал, сколько помнил себя. Мать всю жизнь страдала нарушением душевного равновесия. В детстве она убежала из дома, а в двенадцать лет забеременела. Еще раньше ее заманил в секту человек по имени Пророк. Членами секты были такие же, как она: сбежавшие из дома, правонарушители, психически неуравновешенные люди. Забеременев, мать Шоуфилда сказала товарищам, что к ней во сне приходил сам Сатана, который оплодотворил ее семенем Антихриста. Во втором триместре беременности она пыталась покончить с собой, однако Пророк ее спас.

Шоуфилд стал изгоем с самого момента рождения. Его

почитали и боялись. Дети отказывались с ним играть и в то же время не верили в его особый статус. Когда поблизости не было взрослых, его обзывали придурком, монстром, дьяволенком; его не переносили на дух, а он лишь хотел дружить с ними, мечтал быть в компании.

Хуже всех относилась к нему мать: страстно ненавидела, а он не понимал ее чувств. Несколько раз уже в подростковом возрасте она пыталась его убить. Не вмешайся Пророк, Шоуфилд до своих лет точно не дожил бы.

– С тобой хорошо обращаются, мама? Рождественскую елку поставили? Уже дарите друг другу подарки?

Губы матери дрогнули от ярости, однако она не ответила, избегая взгляда сына. Он вздохнул и поднялся.

– Счастливого Рождества, мама. Элеонор с детьми тоже шлют поздравления. Ребята очень хотят с тобой повидаться.

Злость сошла с ее лица, и мать широко распахнула глаза, точно ребенок в ожидании подарков. Она еле слышно заговорила, и в ее голосе зазвучало предвкушение:

– Приведешь их? Я бы хотела увидеть детей...

Шоуфилд выглянул в окно и задумался.

– Приведу, только если будешь нормально себя вести. Можешь не любить меня: я тебя не виню, – и, наверное, ты права. И всегда была права, теперь я понимаю. Я и в самом деле мерзость. И все же я не позволю тебе разговаривать со мной так, как сегодня, когда приеду с детьми.

– Обещаю! Привези их...

– Я подумаю.

Он постучал в дверь. Татуированный дежурный отпер замок и проводил Шоуфилда к выходу. Проходя по длинному белому коридору, Шоуфилд пытался сосредоточиться на белых дверях и свете флюоресцентных ламп, лишь бы не думать о матери и своем прошлом. Он глубоко дышал, снова и снова втягивая в легкие воздух. Пришлось взять себя в руки – не хватало только приступа гипервентиляции или рвоты.

Васкес просто кипела от злости, когда Белакур закончил совещание и распустил детективов. Ее жестоко унизили, и все же она не собиралась позволять Уильямсу действовать ей на нервы. Сейчас ей необходимо было прийти в себя, восстановить самообладание.

В зале надышали, и Васкес решила выбраться на свежий воздух. Она сделала шаг к двери, когда на пути у нее встал агент Гаррисон. Он улыбнулся – мол, что поделаешь? – и сказал:

– Агент Васкес, мы рассчитываем встретиться с вами, поговорить о расследовании. Давайте вместе обсудим имеющиеся улики, опросим свидетелей.

Васкес едва не послала его куда подальше. Эти люди публично ославили ее, а теперь намерены тратить ее время! Тем не менее встреча дала бы ей возможность высказать Уильямсу все, что она думает. Васкес с трудом приподняла уголки губ, изобразив улыбку.

– Разумеется. Мне сейчас нужно кое-чем заняться в оперативном штабе. Можем встретиться там через час. – Она вручила Гаррисону свою визитную карточку. – Адрес найдете здесь. Вест-Рузвельт-роуд. Машину оставите в гараже через дорогу.

Похоже, Гаррисон удивился, что она так легко согласи-

лась.

– Здорово, спасибо. Увидимся.

Васкес выскочила из здания и добежала до своей «кран-виктории». Телефон во время совещания пришлось поставить на беззвучный режим, однако по вибрации она поняла, что поступило несколько сообщений. Первое – от приятеля из Бюро: «Пробил твоих новых дружков через министерство. Уильямс значится в штате, но и только. Больше никакой информации, будто ее стерли».

Васкес немного посидела, наблюдая за уличным движением на Пятидесятом шоссе. Информацию необходимо было обдумать. В Бюро работали лучшие ищейки в мире, и уж если ее другу не удалось получить доступ к данным об Уильямсе, значит, того засекретили по высшему разряду.

Чем дольше она размышляла о том, что произошло в конференц-зале, тем больше понимала: Уильямс прав. Ее оценки были некорректны, причем из-за Белакура. Старый напарник отца недолюбливал Бюро и не желал сотрудничать с его представителями за исключением Васкес. Белакур и заставил ее подготовить психологический портрет преступника. Васкес не любила подобную работу, и поэтому в свое время ушла из Бюро поведенческого анализа, продолжив карьеру в качестве следователя по делам торговли живым товаром.

Единственный вопрос затмевал собой все остальные. *Кто же, черт возьми, эти ребята?*

Надо все о них выяснить.

Оперативный штаб ФБР в Чикаго находился в здании на Рузвельт-роуд, на территории, огороженной черным забором с металлическими пиками и белыми столбами. Здание было длинным, высоким, с множеством зеркальных окон на фасаде. Васкес занимала кабинет на пятом этаже, с южной стороны. Окно смотрело на другое крыло, где в зале, разделенном на маленькие клетушки, работала армия агентов.

Она провела троицу из министерства юстиции внутрь и закрыла за ними дверь. Внутренних окон в кабинете не имелось, и все же Васкес напомнила себе о необходимости не повышать голос и соблюдать при разговоре спокойствие. Она указала гостям на стулья, сама же села за рабочий стол. Уильямс и старший из агентов, представившийся как Брубейкер, устроились напротив нее. Васкес могла предложить посетителям всего два стула, и Гаррисон остался стоять. Они с Брубейкером были одеты в одинаковые черные костюмы с белыми рубашками и темными галстуками, Уильямс же пришел в серой шелковой рубашке, расстегнутой на груди. Галстук он не носил, и из-под рубашки выглядывала черная футболка. Похоже, Уильямс занимал в этой группе особое положение, однако даже его наряд, пусть и на подсознательном уровне, свидетельствовал о пренебрежении субординацией. Васкес знавала подобных норовистых парней, ко-

гда служила еще в Бюро поведенческого анализа. Ее опыт подсказывал, что такой человек без всяких раздумий готов выстрелить и уложить противника на месте.

– Ну что же, господа, опустим дурацкие формальности. Рассказывайте, кто вы и откуда.

Брубейкер глянул на Уильямса. Между ними состоялся молчаливый диалог, хотя Васкес и не поняла его смысла. Наконец Уильямс сообщил:

– Мы не пытались вас обмануть. Наша группа действительно относится к министерству юстиции; преступление, которое вы сейчас расследуете, и есть наша специализация. Мы с вами делаем общее дело: хотим поймать убийцу и сделать так, чтобы он больше никому не навредил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.